

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

НЕ БОЙСЯ ДРУЗЕЙ. Том 2

Третий джокер

Одиссей покидает Итаку

Василий Звягинцев

**Не бойся друзей. Том
2. Третий джокер**

«Звягинцев Станислав»

2012

Звягинцев В. Д.

Не бойся друзей. Том 2. Третий джокер / В. Д. Звягинцев —
«Звягинцев Станислав», 2012 — (Одиссей покидает Итаку)

ISBN 978-5-699-55908-4

Вадима Ляхова с юных лет учили спасать людей, а не убивать, даже когда второе – предпочтительнее. Но в этот раз полноценного боя избежать не удалось, потому как «дача» Президента была атакована намного превосходящими ее защитников силами, и цель у наступавших была очень ясная и определенная – захват главы страны и уничтожение его сторонников. А вот этого Ляхов допустить уже никак не мог. Не вписывался в планы «Андреевского братства» государственный переворот и потеря Президента, ключевой фигуры операции «Мальтийский Крест» по объединению России из главной исторической последовательности и ее альтернативного аналога в одно мощное государство. Однако бой – не спектакль, очень часто он развивается по непредсказуемому сценарию или вообще без такового. И тут уже ключевыми моментами становятся мужество, опыт, взаимопомощь и, главное, вера в то, что ты сражаешься за правое дело. Команда Ляхова была в этом уверена...

ISBN 978-5-699-55908-4

© Звягинцев В. Д., 2012

© Звягинцев Станислав, 2012

Содержание

Глава восемнадцатая	5
Глава девятнадцатая	21
Глава двадцатая	36
Глава двадцать первая	50
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Василий Звягинцев

Не бойся друзей

Том II

Третий джокер

*А пока – в неизвестном живём
И не ведаем сил мы своих,
И, как дети, играя с огнём,
Обжигаем себя и других...*

А. Блок

Глава восемнадцатая

Фёст немного удивился быстрому возвращению Сильвии из Берендеевки – он предполагал, что Император сумеет задержать её там хотя бы на неделю. В способностях «госпожи Берестиной» стать за этот срок абсолютно незаменимой и непререкаемо авторитетной советницей и консультанткой в «альтернативной внешней политике» он не сомневался. Секонд, наоборот, к появлению рядом с Государем сильной (явно сильнее кардинала Ришелье) фаворитки относился слегка настороженно, согласно дворянско-феодалному менталитету, доставшемуся от предков и подогретому причастностью к «пересветам». На подсознательном почти что уровне. Налицо, как говорится, присутствовал *конфликт интересов*, свидетельствующий о том, что аналог всё ещё не осознал себя (только и единственно) членом «Братства». На него действовала та самая, описанная Азимовым и считавшаяся для «хроноагентов» большим недостатком, на грани профнепригодности, «одержимость временем»¹.

Сам Фёст считал, что особой беды тут нет, иначе просто не бывает, если человек не законченный «безродный космополит», а Азимов это явление осуждал, поскольку сам был из таких же.

Не раз вставал перед Фёстом, тоже подверженным временами «интеллигентским рефлексиям», вопрос, лучше всего иллюстрируемый на примере почитаемого им Штирлица-Тихонова. А как у него обстояло с этой самой «одержимостью»? Всё ж таки ровно полжизни он пробыл немцем, нацистом, до штандартенфюрера дослужился. Что-то ведь «фашистское» ему за эти годы приходилось делать, и делать очень хорошо, и не в комиссии по сбору бытовых отходов, а в СД! Старательность ведь явно была и инициативность, и служебное рвение. Как без этого на службе? Так вот кого в нём больше было, не по книжке, а в жизни – покинувшего Советскую Россию в юном возрасте романтика-чекиста или всё же талантливого специалиста РСХА? Для сравнения – можно представить гуманиста-идеалиста, честным трудом заработавшего «старшего майора» ежовско-бериевского НКВД, сохранив при этом в чистоте свои «белые одежды»? Если только некие «высшие силы» или воля автора не позволят ему заниматься какой-нибудь вегетарианской, абсолютно бескровной работой, позволяющей одновременно быть причастным к государственным тайнам высшей степени секретности.

Такие мысли часто посещали Фёста, ибо ведь «реальная деятельность» занимала лишь несколько процентов его жизни после встречи с Шульгиным, остальное – пусть активная, но праздность.

¹ См. А. Азимов «Конец вечности».

Когда Сильвия вернулась, она, то ли утомлённая, то ли поглощённая своими мыслями, серьёзный разговор отложила на следующий день. Одобрила удачную тактику Ляхова в вербовке Мятлева, согласилась с тем, что дальше, очевидно, особых проблем с выяснением окончательных позиций президентского окружения не будет. Подчеркнула, что ей удалось успокоить Императора и привести несколько весьма заинтересовавших Олега доводов в пользу необходимости изменить отношение к здешнему Президенту. Просто отнестись к нему как к молодому человеку (хотя на самом деле они были ровесниками), честному, наивному в делах государственного управления, почти случайно выброшенному к вершинам власти. А власть – это ведь совсем не то, что под нею понимают «карьерные чиновники». Не приз в «гонке на выбывание», не повод и не способ какой-то срок чувствовать себя «царём горы»...

Все это Сильвия пересказывала Фёсту отрывочно, в моменты, когда они оказывались наедине в кабинете или изолированных комнатах третьей, *настоящей* квартиры. Большую часть вечера она сосредоточила своё внимание на Герте и Мятлеве. Вела себя то как строгая тётка, старающаяся понять, что за «жених» появился у племянницы, и «самостоятельный ли он человек?», то как светская дама, уже с точки зрения «общества» прикидывающая, заслуживает ли эта юная девица внимания столь почтенной «особы 4-го класса» (т. е. генерала).

В этом, понимал Вадим, крылся очередной тонкий расчёт (а других у леди Си не бывало), только не совсем ясно – какой, на какую ситуацию спроектированный.

Но иногда она делала Ляхову знак выйти, очевидно точно выбирая момент, когда требовалась «оперативная пауза», чтобы «валькирии» и Леонид осознали или обсудили только что ею сказанное.

В один из таких «перекуров» Фёст сказал:

– Если бы вы с Секондом Олега «дожали», заставили включить «Крест» в список первостепенных государственных приоритетов, а сами стали реальным куратором проекта, получилось бы крайне интересно. Извините меня за дерзость, – при этом Ляхов улыбнулся несколько двусмысленно (а чего стесняться перед женщиной, не так давно откровенно предлагавшей себя в любовницы?), не будем касаться слишком деликатных моментов, но истории известны случаи... Стань вы как-то легитимизированным наместником Императора в переговорах с Президентом, работать стало бы гораздо проще. Я как раз неделю себе назначил, чтобы свести воедино и консолидировать команду «друзей Президента», после чего выступить с новым «предложением», от которого трудно будет отказаться. Тут и «Чёрная метка» пригодится, благо, есть повод для её активизации.

К случаю рассказал об обиде, нанесённой всему корпусу «честных служак» демонстративным, оформленным с подачи «закулисы», которой именно сейчас потребовалось показать свою силу увольнением авторитетного генерал-лейтенанта.

– Явные успехи делаете, юноша. – Сильвия задумчиво выпустила дым в открытое окно. – След в след за мной идёте. Я за вами обоими наблюдаю – вы своего братца всё очевиднее опережаете...

– Среда выживания у нас с ним разная. Одно дело – Гавайские острова, другое – леса северо-восточной Руси. У нас в десятом веке то охотиться, то избы рубить, то воевать приходилось, одновременно добывая хлеб свой в поте лица, а гавайцы в то же время на пляжах валялись, укрепляя силы кокосами, от нечего делать доску для сёрфинга придумали, на чём и успокоились... Иногда завидую.

– Каждому своё. Я другое имею в виду. Всё, что ты сказал, я как раз и делаю. Угол зрения у нас разный, у тебя мужской, у меня женский, а цель в перекрестье – одна. Завтра мы всем, о чём говорим, займёмся. По-брусиловски²: сразу и по всем направлениям. И с «друзьями»

² Сильвия имеет в виду стратегию генерала Брусилова, разработанную им для выхода из «позиционного тупика» Мировой войны. В то время как англо-французы и немцы годами тупо долбили оборону противника в одном и том же месте (Верден,

встретимся в подходящей обстановке, и с Президентом я пообщаюсь *прежним* способом, в самый подходящий момент... – прозвучало это достаточно зловеще, хоть и с обычной, одной из сотни, улыбкой. В этом леги Си и Шульгин были похожи – Александр Иванович тоже умел улыбаться по-разному и в самые неожиданные моменты.

Однако, не дождавшись утра, даже не разбудив никого, оставив только обычную, на листке бумаги, записку, Сильвия экстренно отбыла в двадцать пятый год. Неужели и там столь сильная команда без неё не может справиться? Вот уж воистину: «Фигаро здесь, Фигаро там».

Ну, так тому и быть. Пока Сильвия не вернётся (чтобы вместе закрутить околопрезидентскую интригу), Фёст с Секондом, что называется, бегом – туда и обратно, сгоняют к месту прокладки тоннеля «из России в Россию». На месте и лично убедиться, что он в полной мере отвечает возлагаемым на него надеждам, и график выдерживается. А уж тогда, со всеми козырями на руках...

Разговор с Людмилой у Фёста вышел не очень приятный. Она упёрлась, настаивая, чтобы ехать вместе. В конце концов, у неё приказ – непосредственно и постоянно осуществлять личную охрану именно этого вот господина, каковому и намерена следовать. Остальные обстоятельства можно временно не брать во внимание.

– Прежде всего, ты ошибаешься. Последний приказ был совсем не такой. «Поступить в распоряжение для выполнения особого задания». Мы его и выполняем. Я, понятное дело, в данном случае твой начальник и принял решение. Оставить Мятлева наедине с Гертой не считаю полезным. Она должна с ним работать, но самостоятельного дела я ей поручить не могу...

– Почему? Ты ей не доверяешь? Она же тебя спасла, рискуя жизнью, – искренне удивилась Людмила.

– И речи нет, чтоб не доверять. Но пора бы тебе усвоить до предела избитую истину: «Каждый человек необходимо приносит пользу, будучи употреблён на своём месте». У нас в «Братстве» она очень в ходу, пора на знамени или нагрудном жетоне написать. Герта уже *в роли*. Ей, продолжая охмурять генерала, нельзя проявить хоть на столько вот, – он показал большим и указательным пальцами зазор примерно в полдюйма, – выходящих за рамки *легендированной* должности инициатив. Дураку всё станет ясно. А вот тебе можно всё. И с Мятлевым от моего имени, даже моим тоном говорить, и с Журналистом встретиться. Я тебе даже тезисы набросаю, как его агитировать и чем...

Не заводись, не заводись, – предупредил он, увидев посуровевшие глаза подруги. – На ножки твои он, конечно, пялиться будет, так для того они тебе и дадены...

– Я думала – ходить, – сделала наивные глаза Вяземская.

– Иногда приходится, – согласился Вадим, – ходить, а также и бегать – это проза жизни. Однако с юных лет помню – если вдруг девушке ветром юбку поднимет, вопрос о том, можно ли с данной конструкцией опорно-двигательного аппарата «сотку» за «одиннадцать и две» сделать, приходил в последнюю очередь. Да и то если ты тренер по лёгкой атлетике.

– Снова тебя понесло, – сказала Людмила, – и отчего-то – в одну и ту же сторону.

– Не я первый начал, – возразил Фёст. – Тем более, наш друг Анатолий к женщинам относится не в пример равнодушнее товарища Мятлева. Ты просто скажешь ему вот это... – он подвинул к Людмиле листок бумаги. – Но главное – чётко и неотрывно наблюдать окружающую обстановку, не допускать провокаций, но и не расшифровывать себя. Блок-универса-

Сомма), безрезультатно теряя миллионы (!) солдат (только при Сомме – 1,3 млн), Брусилов предпринял наступление на более сильные, чем под Верденом у французов, позиции австро-венгров сразу по многим направлениям без многосуточной артподготовки, стремительно наращивая силы на участках обозначившегося успеха. Через сутки оборона противника была прорвана на стратегическую глубину, австрийцы потеряли более полутора миллионов убитыми и пленными. (См. любые материалы по теме «Брусиловский прорыв».)

лом пользоваться только в совершенно безвыходной ситуации. В случае *серьёзного* осложнения обстановки – отходить сюда, на Столешников. Как уйти в свой реал – ты знаешь. Ещё одно – покажется, просто покажется, что за вами и квартирой продолжают следить, ну, вроде того милицейского сержанта, обратиться к нашему консьержу. Я его предупрежу...

– Не думай, что с дурочкой разговариваешь, – отчего-то опять заершилась подпоручик, – мы, «печенег»...

– Стенд боад³, если по-английски, – с улыбкой сказал Фёст, – или «ша», по-одесски. Даже могучего викинга можно убить пущенной в щель доспеха стрелой с костяным наконечником. Короче, подпоручик Вяземская, ваша задача исполнить приказанное и встретить меня живой и здоровой. Больше трёх дней я отсутствовать не собираюсь.

– А связь? – спросила Людмила, имея в виду, что и у неё, и у Вадима есть теперь личные блок-универсалы.

– В крайнем случае, – отрезал тот. – Дела вокруг тёмные, и лишний раз ночью костёр разжигать или фары включать не рекомендуется. Так я побежал, меня Секонд *на той стороне* ждёт.

Возле стойки консьержа Бориса Ивановича Вадим приостановился. После вчерашнего утреннего разговора они не виделись. Обменялись приветствиями, закурили, как у них стало принято.

Ляхов молчал, едва заметно улыбаясь. Отставному майору пришлось заговорить первым.

– Обошлось? – спросил он в безличной форме, как бы безотносительно к чему-либо.

– Похоже, – ответил Фёст. – Но вопросы остаются открытыми.

– Именно?

– Первый – кто это был и какого хрена им требовалось?

– Я видел, как ты к ментам в машину сел, – сообщил консьерж. – И?

– Да эти как раз ничего. Под таксистов сработали. Довезли до места за «рубль». А я, между прочим, на встречу с генералом МГБ ехал...

Говоря это, Вадим ничем не рисковал и никаких тайн не раскрывал. Десятки, а то и сотни «наружников» могли отслеживать каждый его шаг, да и на врождённую скромность оперативников Мятлева рассчитывать не приходилось.

– Понятное дело, – деликатно кашлянул майор прикрывшись ладонью. Наверное, дым не в то горло попал.

– Второе. – Фёст чуть понизил голос, просто чтобы придать своим словам значимость. – Насчёт «метки» как, настроения не поменялись?

– Я уже сказал – лучше с автоматом по сопкам бегать, чем здесь.

– До сопки, даст бог, дело не дойдёт, а первое задание, «не отходя от кассы», примешь?

– Я вообще-то конкретность люблю, – сказал Борис Иванович, – втёмную не подражаюсь...

– Проще некуда. Я на несколько дней уезжаю. Племянницы здесь остаются. Так продолжай приглядывать. Если за чем обратятся – помоги по возможности. И сам, заметишь что непонятное, подскажи. Вот карточка с телефонами Люды и Герты. Звони в любое время.

Номера на визитке опять были четырёхзначные.

В подкрепление своих слов Фёст неуловимым движением на то же место, не просматриваемое видеокамерой, положил не одну «пятёрку», а пачечку, пусть и не очень толстую.

– На оперативные расходы. Отчёта не требуется, – и счёл нужным пояснить: – У нас принято людям реальные деньги платить. Если в *группу* примут, там твёрдый оклад пойдёт...

– Так точно, всё будет сделано, товарищ ...?

³ «Задний ход» – флотская команда.

– Вадим Петрович, знакомы ведь уже... Оружие требуется?
– Да есть кое-что...
– Смотри. Надо – и зарегистрируем, и «применение» в случае чего правильно оформим.
Ну, бывай, я побежал, время не ждёт.

Секонд подобрал Фёста на углу Петровки, и машина направилась в сторону хорошо укрытого густым лесом авиааэродрома. Оттуда на реактивном четырёхместном разведчике лететь до места было не больше трёх часов.

Как раз сегодня к вечеру планировалось открытие первого в современной истории прямого сообщения между реальностями и вдобавок в каком-то смысле и межвременного тоже, поскольку Фёст никак не мог отделаться от ощущения, что, перемещаясь, он попадает не просто в страну с другим политическим устройством. Сохранялась отчётливая иллюзия, что мир Секонда – бесконечно длящееся прошлое, слишком часто в нём попадались элементы, связанные с самым ранним детством, с тех пор бесследно утраченные.

И вот теперь появится действительно полноценный, постоянно действующий транспортный путь *туда*, железнодорожный, двухколейный, а рядом можно и хорошее шоссе пустить.

Правда, как такое сопряжение миров проявит себя в долгосрочной перспективе, никто ещё понятия не имел. Тут бы сначала профильному НИИ как следует поработать, все плюсы и минусы рассмотреть, теоретическую базу создать, а потом и подвести. Но в таком случае на реализацию проекта следовало бы отпустить лет тридцать, поскольку ни в одной, ни в другой России профессиональных хронофизиков не имелось. Чтобы их подготовить, Левашову следовало бросить все свои занятия и учредить нечто вроде колледжа собственного имени, где сначала передать группе юных гениев свои отрывочные и в основном интуитивные озарения, затем всем вместе попытаться их систематизировать и формализовать, ну и так далее. Проще говоря, в одиночку, с нуля создать новую высокоточную науку, и только потом...

Правда, Удолин, пусть и профессор, но совсем в другой области, несколько месяцев назад, сразу после открытия *латентного* прохода, заверял, что ничего страшного не произойдёт. Если какой угодно закон природы существует, то существует априорно, и совершенно неважно, пользуется им кто-нибудь на практике или нет. Неприятности могут быть только у отдельных личностей, оказавшихся объектами приложения данного закона, как, например, закона всемирного тяготения.

– Но это – слишком частный и достаточно примитивный случай. Если же взять законы более общие, как, например, перехода количества в качество или единства и борьбы противоположностей, то...

И потекла бесконечная вязь профессорской мысли, из которой прагматик Фёст сделал вполне буддийский вывод: «Одним словом, в масштабах мироздания или делай что угодно, или не делай вообще ничего – итог один». Так что лучше делать. По крайней мере, это интереснее, чем сидеть сложа руки и ждать, куда оно само повернётся. Опять же – тысячам людей, не знающим, куда свои мозги и руки приложить, интересное и на первый взгляд осмысленное занятие появится.

Тоннель под отрогом Уральского хребта, соединяющий две реальности, был создан то ли природой, то ли неведомыми разумными силами в незапамятные времена и предусмотрительно закрыт с обеих сторон скальными стенками всего лишь двух-трёхметровой толщины. Совершенно грандиозное природное образование более сорока метров шириной, от пятнадцати до двадцати высотой, длиной же всего около трёх километров. Подобных пещер в мире не слишком много, доступных для обозрения – наперечёт. И каждая, вроде Новоафонской, например, таит странные секреты.

В той, говорят не просто местные жители, а учёные-спелеологи, время течёт в десятки раз медленнее, чем на поверхности. Обычным туристам, проводящим в лабиринтах сталактитов и

сталагмитов час-другой, это незаметно, а те, кто профессионально работает там годами, включая обычных экскурсоводов, выглядят на десять, а то и двадцать лет моложе своих ровесников.

В этой пещере, а точнее всё же тоннеле, поскольку весь он проходил выше уровня окружающей местности, как и в любом другом подобном образовании, уже известном «Братству», ровно посередине его длины горная порода прорезалась кольцом чистейшего самородного золота. Разной толщины и диаметра, никак не связанным со свойствами самого прохода. Например, на пути из Израиля в Новую Зеландию (гигантское расстояние плюс временной шаг в восемьдесят лет) золотая прослойка не превышала метра, в Южноафриканской пещере дагонов золота было гораздо больше, но межвременного перехода исследователи не обнаружили. Возможно, он и есть, ведущий в географический и хронологический Древний Египет, только не для всех.

А здесь толщина пласта драгоценного металла просто поражала. Почти десять метров шириной и около двух – глубиной. В самом приблизительном пересчёте (кому нужно, посчитали точно), золота здесь было больше ста тысяч тонн. Чистейшего, девяносто шестой пробы, не нуждающегося в аффинаже, вообще каких-то технических ухищрениях для добычи. Подходи с кайлом или перфоратором и руби сколько хочешь.

– Наверное, так и задумано кем-то, – сказал Секонду Удолин, когда с помощью Маштакова его некромантская команда проникла в земные недра, подражая героям Жюль Верна. – Любые изыскатели, добравшиеся до этого «кольца», тут бы и остались. Никто бы живым не ушёл...

– Это вы, Константин Васильевич, отчего-то на «просвещённых европейцев» равняетесь, разных там англо-американо-испанцев. Это тех «золотая лихорадка» не хуже холеры поражала. А открой это месторождение какой-нибудь армейский географ вроде князя Кропоткина, капитана Арсеньева, да хоть бы и будущего Великого князя Олега Константиновича, спокойно бы всё на карту занес, образцы взял и по начальству представил. Грамма бы никто не присвоил, разве что в виде сувенира.

– Может быть, вы и правы, Вадим Петрович, – согласился профессор. – Только устроители этой штуки явно не на ваших «рыцарей без страха и упрёка» рассчитывали.

– Ни на кого они не рассчитывали, – оставил за собой последнее слово Ляхов. – Это небось ещё во времена трилобитов образовалось.

Как бы то ни было, взорвать каменную преграду со стороны Екатеринбурга служащим «Императорского корпуса военных инженеров» труда не составило. Затем тоннель прошли некроманты, ощупывая всё вокруг известными им методиками. Сразу за ними – оба Ляховых, Секонд и Фёст в качестве тех самых канареек, что брали с собой в забой *старые* горняки. Лишь они из *нормальных* людей (хотя можно ли двух *аналогов* так называть с чистым сердцем?) без всякой подготовки сумели успешно миновать израильско-новозеландский тоннель, да и к «боковому времени» отношение имели, причём каждый своё.

Оттого профессор Удолин, во всяких таких «мистических штучках» ощущавший своё полное превосходство над «умными мальчиками» типа Шульгина с Новиковым, со времён его спасения из лап Агранова вслух и в лицо членам «Братства» свой статус обозначать избегал. Решил посмотреть, что сейчас у *этих* получится. А он... Ну, что он?

Профессор всегда думал, что Александр Иванович более склонен к бестактностям, чем рафинированный Андрей Дмитриевич. Но именно Новиков как-то спросил, видимо притомившись от профессорской трепотни: «Какого же ты ... такой весь из себя, в камере сидел, пока мы тебя оттуда под пулями не выволокли? Махнул бы себе, как ты *якобы* умеешь, в любимый XV век и у «прекрасных стен Гренады» тамошнюю чачу с маврами жрал! Что-нибудь

из трудов Аверроэса⁴ с раввинами обсуждал. Или лично с ним. И никакого «исторического материализма».

– Какой XV? XIX век тогда был. А от Агранова я вырваться никак не мог. Те страницы каббалы⁵, которыми он пользовался, из моих собраний таинственным образом исчезли...

– Хороший был мистик, – без всякой иронии ответил тогда Новиков, – а супротив «нагана» и он ничего не смог...

– Только отчего-то «наган» на него подействовал только в ваших руках. В других – увы, – возразил Удолин.

Как ни лестны были Андрею эти слова, ради поддержания справедливости он заметил, что в реальной истории Яков Саулович принял смерть тоже от револьверной пули в затылок, в лубянском подвале, без всякого вмешательства потусторонних сил.

– Это вы так думаете, – ответил профессор и не стал развивать тему.

Когда Ляховы подошли к «золотому кольцу», оба испытали то же самое чувство, что и при переходе из Израиля на другой конец света: будто вдруг погрузились в ледяной, бурлящий нарзанный источник: пронзивший до мозга костей холод и миллион облепивших кожу щеко-чущих и покалывающих пузырьков. Дыхание перехватило так, что ни вдохнуть, ни выдохнуть. И тут же отпустило. Прошли. Опять прошли через границу миров.

Самое интересное – поручики и унтера инженерного корпуса, шедшие позади, не почувствовали ничего.

У выхода из тоннеля, точнее, у мощной каменной стены, никаким образом не намекающей, что за нею – выход в иной мир, Ляховы и Удолин остановились.

Константин Васильевич извлёк из внутреннего кармана просторного парусинового плаща (он не любил дождей и был сторонником проверенной от них защиты) пол-литровую титановую фляжку, предложил по глотку офицерам и обладателям двух и более лычек на чёрных погонах.

– Двадцать полукилограммовых зарядов вот по этому кругу, – обрисовал он пальцем. – Шурфы – на метр. Рванёт – посмотрим. Думаю – хватит. Отходим...

Удолин не ошибся. Подрывники – тоже. Минут через десять, когда пироксилиновый дым и кальцитная пыль слегка осели, отряд исследователей выбрался на ту сторону, перелезая через каменные глыбы и груды щебёнки.

– Вот вам и очередной «прекрасный новый мир», – сказал Секонд, поскольку только он и мог сказать это своим соотечественникам и «совре́мённым». Фёст по компасу и отечественного издания карте приблизительно определил направление до ближайшего населённого пункта. Поскольку точку выхода тоннеля, находясь на *той* стороне, угадать было невозможно. Пресловутый «принцип неопределённости». Удолин и его мудрецы соглашались поручиться либо за географические координаты, либо за время, на выбор. Фёста, как специалиста по своему миру, больше устраивал хоть пятистотыметровый промах по месту, но желательно – в юго-восточном направлении, нежели по времени – на пятьдесят лет. Совсем ему не хотелось встретиться с районным уполномоченным госбезопасности или выскочить внутрь «запретки» каторжного ИТЛ⁶.

На мотоцикле *того* российского производства, очень похожем на советский «М-72» (т. е. немецкий «БМВ»), в сопровождении офицера-«печенег», одетого в потёртую кожанку и сол-

⁴ Аверроэс (Ибн Рушд, 1126 – 98), представитель арабского аристотелизма, доказывавший вечность и несотворённость мира, единый, общий для всех людей мировой разум, а также двойственность истины.

⁵ Каббала – мистическое течение в иудаизме, подразумевающее возможность человека при помощи специальных ритуалов активно вмешиваться в божественно-космические процессы. Окончательно оформилось в Андалусии в XIII веке. (См. «Зогар» или «Книгу сияния» на арамейском. Переводы на идиш и иные языки аутентичными не являются.)

⁶ ИТЛ – исправительно-трудовой лагерь, которых в пятидесятые годы в предполагаемом месте выхода имелось достаточно.

датскую шапку, одинаковые на территории любой России в интервале почти что века, с трёхлинейным карабином (вдруг чем-то раздражённый медведь встретится, не говоря о «лихих людях»), под тентом коляски, Фёст отправился на разведку.

Чем дальше, тем больше, выехав с щебёночного плато, поросшего корявым, местами – с трудом проходимым кустарником, на прилично накатанную грунтовку, он убеждался, что попал, куда надо. Особенно когда увидел на обочине смятую сигаретную пачку знакомой марки.

– Так, – сказал он поручику, с любопытством озиравшему ландшафты незнакомой страны, – плюс-минус десять лет наши авгуры угадали, уже неплохо. Но хотелось бы поближе. Как тебе здесь, у нас?

– Да вроде бы всё то же самое. Кажется, пахнет чуть по-другому, – он несколько раз втянул носом воздух. – Химией какой-то незнакомой отдаёт, и кислорода, похоже, меньше, как в горах.

– Очень может быть, – согласился Фёст. – Промышленная химия на этой Земле наверняка другая. Да прибавь почти сорок лет ядерных испытаний в атмосфере. И до Китая не слишком далеко, а они природу пакостят – не приведи бог! То ли дело у вас – до сих пор «желтолицые братья» в Россию только за золотом и женихом забредают, и никакой геополитики и экономической экспансии.

Поручик, крайне далёкий от проблемы российско-китайских отношений даже в собственном мире, на всякий случай согласился:

– Это точно. Давайте, господин полковник, я за руль сяду.

– Ни к чему. Ты наших правил движения не знаешь. Вот выскочит сейчас из-за тех кустов гаишник с радаром и объявит, что ты разрешённую скорость превысил, поскольку вон на том повороте был знак, правда, его в позапрошлом году спёрли, но и сам должен понимать... Что ты ему ответишь, чтобы не *спалиться* мгновенно?

Поручик впал в задумчивость.

– Что такое «гаишник», господин полковник, почему с радаром, какая-то «разрешённая скорость», зачем в чистом поле «знак» и откуда я должен знать, что его спёрли? И что, тем более, понимать?

– А мне говорили, будто «печенег» – ребята, способные на всё и не теряющиеся ни в какой обстановке. Ваш же полковник Ляхов и говорил. А у тебя на одну совершенно бытовую ситуацию – шесть вопросов. Поэтому, пока не освоишься в моём «прекрасном и яростном мире», сиди в коляске, рот как следует сполосни из фляжки «НЗ», да и внутрь в пределах ста граммов принять можешь, чтобы «футурошока» не случилось. И молчи до последней крайности, или пока я не разрешу. Если представитель власти обратится лично к тебе, отвечай невнятно – «день рождения вчера начали праздновать, а сегодня отходняк у меня, Вадик лучше помнит». Любого штатского просто посылай по матушке, но без перехода на личности, а то и схлопотать можешь. На Урале народ политесам не обучен...

– Серьёзная тут жизнь, – без усмешки сказал поручик. – А говорили – на историческую Родину идём. Получается – снова в десант?

– Так не в Центрально-Африканскую империю всё-таки, – успокоил офицера Фёст. – Я там послужил, херовее места не придумаешь, да ещё вокруг – сплошные негры-людоеды с автоматами. А здесь – в лучшем случае с обрезам. И не людоеды, за исключением особых случаев. По-русски говорят. Пооботрёшься немного – может, и понравится. Как нашим евреям в Израиле.

Вадим откровенно развлекался, очень ему забавным казалось подобным образом дурака валять.

Он держал на спидометре пятьдесят, самое то для подобной дороги. Через десять километров им встретился жёлтый молоковоз, древний «ГАЗ-53» с проржавевшими до дыр кры-

льями. Значит, и райцентр какой-нибудь есть поблизости с заводиком, и фермы, где люди скотину держат. В этих краях Фёсту бывать никогда в жизни не приходилось, но, листая иногда «либеральную прессу», подсознательно думал, что не могут же господа воловичи врать настолько уж беспросветно. И, чёрт его знает, может, за пределами МКАД народ действительно обречённо вымирает, если уже вообще не вымер, ибо как можно жить не на многотысячедолларовые гранты, а на зарплату в пять тысяч рублей? На три заправки «Лендровера» не хватит.

А вот нет – тридцатилетний парень за рулём молоковоза выглядел бодрым и весёлым, машина шла хорошо, не бренча оторванными деталями, тётка лет под пятьдесят – экспедиторша или хозяйка «бизнеса» – с трудом помещалась телом в кабине, а лицом – в лобовом стекле. И взгляд, который водитель бросил на встречный мотоцикл, был удивлённым. Вот тут Фёст осознал свою ошибку. На сотню вёрст в округе, может, и нет теперь ни одного мотоциклиста. Все на джипы, хоть «Нивы», хоть «Нисан патрули» пересели. И откуда они едут? Вёрст на пятьдесят в округе этот шофёр должен всех знать и со всей подноготной. А они, выходит, подозрительные чужаки. Нехорошо. Лучше бы нормальный БТР взяли, тот в любой точке необъятной нашей Родины удивления не вызвал бы. Однако деваться некуда, название ближайшего села узнать необходимо. Да и газетку с датой купить.

До села они доехали, прочитали надпись на синем щите, через двести метров увидели магазинчик с гордой надписью «Минигипермаркет «Атлант». Фёст хохотнул от удовольствия за фантазию уральцев, поручик изящества ситуации не оценил.

– Здорово, девочки, – обратился Вадим к двум продавщицам, скорее всего – внучке и бабушке. – Нам две поллитры, вон той, «Кедровой», два плавленных сырка и полторашку минеральной.

– Не мало будет? – спросила старшая тётка.

– Да нет, закуси у нас навалом. Просто вдруг сырков захотелось. Ещё сигарет дайте, блок «Кэмела». И...

Он увидел то, что ему и требовалось больше всего, а остальное так, антураж. В проволочной корзиночке левее кассы сиротливо торчали две «Комсомолки-толстушки» и журнальчик «Теле-семь». А почему и нет: почти на каждом доме и даже на вросших в землю, почерневших от времени избах торчали телевизионные тарелки.

– Я про водку говорю, – пояснила продавщица. – Вы ж туристы? У нас на мотоциклах давно никто не ездит. И говорите не по-нашему. А мы в четыре закроемся и до десяти до завтра. Больше нигде не купите, самогонку давно не делают, разве для себя кто, так пойдёшь ещё найди. Народ обычно по ящику берёт, чтоб два раза не бегать.

– А что, мать, ты права, наверное. Давай ящик!

Фёст сообразил, что лучшего сувенира для участников открытия тоннеля и не придумаешь.

– Надька, подай... – распорядилась старшая.

Деваха сибирской стати легко выбросила на прилавок двадцатикилограммовый, аккуратно звякнувший ящик.

– Перегружать будете? Или за тару ещё триста.

– Давай с тарой, – махнул рукой Фёст. – Коля, неси в багажник...

Пока он расплачивался да и просто болтал с продавщицами, редко видевшими *свежих* людей, поручик Николай, укладывавший ящик в коляску, таки получил возможность встретиться с представителем местной власти.

Участковый как участковый, в капитанском чине, не молод, но и не стар ещё, не толст, но в теле. Тормознул свой «Патриот» возле магазина, увидев незнакомый транспорт. Что водку в него грузил мужик в чёрной кожанке и крепких, почти под колено шнурованных ботинках, его ничуть не удивило.

Но вот кое-что другое давало шанс негаданно подзаработать.

Николай, как и приказано было Ляховым, в разговор не вступал, смотрел на капитана умело расфокусированными глазами и пытался выковырнуть из здесь уже купленной, в познавательных целях, пачки сигарету. Всё, что он ухитрился произнести, с трудом складывалось в те же самые: «День рождения, отходняк, садись – налью».

– Здравствуйте, – сказал, поднеся ладонь к козырьку, участковый. – Капитан Самокрутов. Документики ваши предъявите, пожалуйста.

– Свободно, – ответил засёкший осложнение и быстро спустившийся с крыльца Вадим, подавая права и паспорт. С этим у него было всё в порядке. И прописка московская. Не придерёшься.

Капитан рассматривал документы так долго, будто они были действительно из Центрально-Африканской Республики и написаны на суахили или какой там язык в ходу?

Ляхов, скучая, курил, глядя на быстро летящие серые тучи, между которыми иногда проблёскивало синее небо. Украдкой посмотрел на газету в руке. На дату, конечно. Смотри, как чётко выскочили! Всего на неделю раньше, чем планировали. А место уже и неважно – полста километров туда, полста сюда – раз шоссейная дорога рядом, а от неё и до железной рукой подать.

– Ну и что делать будем, Вадим Петрович? – с прежней вежливостью спросил капитан, задерживая при этом документы в руке.

– А ваши предложения?

– На то, что вы возите с собой человека в крайней степени алкогольного опьянения, способного в любой момент совершить любое правонарушение вплоть до выпадения из коляски на дорогу, как смотрите?

– Плохо, – тяжело вздохнул Ляхов. – А куда ж его девать? К вам в ИВС? Жалко. День рождения у человека. Вам бы понравилось такую дату в «обезьяннике» отмечать?

– Я употребляю в положенное время, в положенном месте и в допустимых дозах, – веско сообщил капитан.

– Вот ведь беда. А он всего лишь кандидат философских наук, впервые в жизни выехавший на уральскую природу, то есть за пределы московской цивилизации, я хочу сказать, и от наслаждения первозданностью мира слегка забыл о непреложности произнесённых вами тезисов.

Самокрутов, вдумавшись, оценил изящество словесной конструкции.

– А вы-то сами как?

– Как стёклышко. За рулём с рождения – ни капли. Отец так учил, да и чужой печальный опыт...

– Правильно, – одобрил капитан. – Тогда второй вопрос – и можем распрощаться. – С этими вроде бы вселяющими надежду словами он сунул документы Ляхова в карман кителя. – Как это вы из Москвы до нас – и без номеров? Мотоцикл у вас хороший, раритетный, и четыре тысячи кэмэ на нём проехать можно. А четыреста постов ДПС?

«Это он молодец! – подумал Вадим, как Румата про дону Рэбу. Нет, в книге было сказано – «великодушно подумал». С великодушием у бывшего капитана Ляхова было не очень. – Тут мы, пожалуй, недодумали. Чёрт его знает, я ведь и не посмотрел, что мотоцикл без номеров. А был бы с номерами? С чужими!»

– Как вас, простите, товарищ капитан? – мягко спросил он.

– Прокофий Порфирьевич, – с некоторым вызовом произнёс участковый. Небось надо-ели ему некоторые граждане «из Центра», с удивлением воспринимающие его имя-отчество.

– Из староверов? – проявил понимание Ляхов. – У меня врач в полку был Авраам Моисеевич, причём – русский в десятом колене. А солдаты и девушки смеялись. Пришлось Андреем Михайловичем именоваться. Но это к делу не относится. Вот, посмотрите...

Вадим протянул специально изготовленное в столешниковской квартире удостоверение полковника Федеральной службы охраны. Ничуть не хуже настоящего, хоть в экспертно-криминалистический отдел на проверку отдавай.

– Мы, Прокофий Порфирьевич, прилетели в Ё-бург самолётом. Спецрейсом МЧС на «Ил-76». Оттуда – на вертолёте. Таких, как этот мотоцикл, «раритетов» у нас с десяток. Даже один гусеничный есть. Образца тысяча девятьсот тридцать девятого года. Не приходилось видеть? Зря. Но у всех всё впереди. Катаемся, отдыхаем. Иногда дни рождения справляем...

И, не желая показаться московским жлобом, не понимающим «человеческого обращения», одну руку протянул вверх ладонью, другой протянул бумажку в сто евро.

– Возьмите для коллекции. Или детям покажете, что за «фантики» в дальних странах за деньги считают. Так мы поехали?

Капитан, крикнув, поправил фуражку. Немного подумал. Нет, не подстава. Не станут ребята из областного ССБ⁷ такие сложные игры затевать с сельским участковым. И мотоцикла такого им взять негде. Спрятал сувенир в карман, потом возвратил права.

– А вы далеко отдыхаете? И надолго ли задержитесь?

Теперь скрывать было нечего, даже, наоборот, хорошо всё складывалось.

Ляхов раскрыл планшет с картой, черкнул пальцем по листу.

– Здесь примерно. Особо любопытствовать не советую. Мы ж там не только на мотоциклах катаемся. Лучше вообще забыть на время, что нас видел и что-то лишнее слышал, пока из области команда не придёт. Там скоро запретка появится и вообще большое строительство. Интересная жизнь начнётся. Майором точно станешь, капитан, старшим участковым на особо охраняемой территории. Я тебя запомнил, и ты меня не забывай. Удачи!

Мотоцикл с рёвом понёсся обратно по уже знакомой дороге.

– Интересная у вас здесь жизнь, господин полковник, – сказал поручик, когда село скрылось из виду и не нужно было больше изображать пьяного.

– Будто у вас лучше, – крикнул Ляхов, преодолевая встречный поток ветра. – Поживёшь немного, присмотришься – домой не захочешь.

«Печенег» с сомнением покрутил головой:

– Я главного не понял – отчего он у вас не спросил: если вертолётами технику возите, почему спиртного не захватили, сколько требуется?

– А оттого, мил-друг, что, посмотрев на мою «ксиву» и денежку на память получив, пропало у хорошего человека желание глупые вопросы начальству задавать. Я ему сотку дал, «а мог бы и зарезать», как в анекдоте про дедушку Ленина, тебе, к счастью, неизвестного, говорилось. И ещё одну присказку запомни – сколько водки ни возьми, всё равно два раза бегать придётся.

Результат рекогносцировки показал, что эмпирические предположения оказались верны, тоннель вывел, куда надо, с исключительной точностью, и теперь не нужны никакие СПВ и блок-универсалы для поддержания постоянной связности двух миров, фактически слившихся в один, но парадоксальным образом устроенный. Полностью объяснить и даже вообразить себе, как он может оставаться именно таковым, не только в физическом, но экономическом и культурно-политическом виде, не мог никто. Одним словом – повторялась история с практическим использованием «бокового времени». С любой точки зрения необъяснимо и даже бессмысленно, а работает тем не менее вполне убедительно, с впечатляющим эффектом.

Впрочем, профессор Маштаков, проводя некоторые аналогии с им же открытым «боковым временем» утверждал, что за два-три месяца он берётся хотя бы предварительную теоретическую базу под «феномен» подвести. С чем и отбыл в Пятигорск, заявив, что в любом дру-

⁷ Служба собственной безопасности МВД.

гом месте его мыслительные процессы не могут протекать должным образом. А пока следует продолжать чисто инженерные работы, более не пытаясь проникать в соседнюю реальность.

Особенно же он предостерег от попытки изъять из «золотого кольца» хотя бы килограмм металла. В каких угодно целях.

– Подобное деяние смело сравню с преступлением планетарного масштаба. Вообразите, что произойдёт, если позаимствовать хоть сантиметр провода из схемы Большой электронно-вычислительной машины? Вдруг здесь тоже всё прецизионно⁸ отлажено. Измените ёмкость, сопротивление, силу индукционных токов – и провалитесь к центру Земли. Или в мезозой. Вот если бы найти пульт управления, принципиальную и монтажные схемы...

– Ну, это уже из раздела фантастики, – ответил Удолин. – Если такое где-нибудь имеется, так в одном из Узлов Сети. Во всём остальном я с вами полностью согласен, коллега. К примеру, при начертании четырёхмерных пентаграмм ошибка в один милистерadian⁹... Впрочем, это сейчас неважно. Вы, Вадим, – обратился он к Секонду, – озабочьтесь немедленно направить сюда несколько специально подготовленных офицеров, которые единственно бы наблюдали за сохранностью Кольца.

...Выход в реальность Фёста был заново закрыт металлическими щитами, тщательно замаскированными имитацией камня и живой, чрезвычайно цепкой и буйной растительностью. Затем, в полном соответствии с формулой генерала инженерных войск Карбышева¹⁰, сапёрный батальон за световой день, используя одну тонну колючей проволоки, соорудил километровое заграждение вокруг горловины распада. Тексты запретительных надписей, развешанных по всему периметру, придумал лично Фёст: «Из-за дефицита боеприпасов охрана предупредительных выстрелов не делает». Пришлось и реальное патрулирование изнутри организовать, солдатами, переодетыми в здешний российский камуфляж, единственной задачей которых было при появлении посторонних кричать; «Стой, кто идёт, стрелять буду!» Для местных этого было бы достаточно, а на случай чего (мало ли?) Фёст переправил из Москвы несколько старших офицеров из «Чёрной метки», снабжённых документами и предписаниями как раз тех подразделений Центрального аппарата, которые могли бы отвечать за сооружение и безопасность некоего объекта особой важности. Отдохнуть за казённый счёт на природе, ну и для подкрепления симпровизированной версии. Вдруг да проявит излишнюю бдительность участковый, доложит о странной встрече по команде? Маловероятно, но всё же...

Для окончательной подстраховки Секонд разыскал среди своих «печенегов» бывшего сотника Уральского казачьего войска, ныне штабс-капитана Синеусова, уроженца здешних мест (плюс-минус три сотни километров. Из Сима он был), что по урало-сибирским масштабам вообще ничто. Придал ему поручика Горелова (того, с кем Фёст на мотоцикле ездил и участкового Самокрутова знал в лицо), отделение горных егерей, чтобы местных рыболовов-охотников, а также и бескорыстно любопытных к линии оцепления не подпускали. То, что эти бойцы манерой разговора и поведения сильно отличались от привычных «солдатиков», должно было произвести на встретившихся с ними людей дополнительное впечатление. «Спецназ какой-то, да не отсюда, с Кавказа, небось?»

Строго говоря, тем самым был совершён акт неспровоцированной агрессии – проникновение военнослужащих иного государства на территорию Российской Федерации. Фёст, который в отличие от Секонда никакими должностными полномочиями не располагал, с усмешкой говорил ему и всем остальным:

⁸ Прецизионно – с особой точностью.

⁹ Стерadian – единица измерения телесных углов.

¹⁰ Афористичная формула для расчёта установки проволочных заграждений: «Один батальон (сапёрный), один день, одна тонна (проволоки), один километр (заграждения), один «кол» (т. е. ряд)».

– Семь бед, один ответ. Если с Президентом договоримся, на такую мелочь никто и не посмотрит. Опять же оправдываться можно пресловутым тезисом о действиях «в условиях крайней необходимости».

– Вообще-то мы сейчас являемся «незаконным бандформированием», – сказал Секонд, – поскольку не принадлежим ни к какому существующему на вашей Земле государству.

– Или же совсем наоборот – обычными первооткрывателями, в ходе исследования собственной территории оказавшимися в неизвестном месте, чья государственная принадлежность никак не обозначена. Вроде необитаемого острова в неизвестном океане...

– Пошла трепотня, – отмахнулся Фёст.

...Приехав сюда, Фёст с Секондом убедились, что на «объекте», а по-старому выражаясь, на «ударной стройке», всё обстоит совершенно нормально. Никто не ставил трудовых рекордов, не стремился выполнить «пятилетку в три года», но работы шли строго по графику, без срывов, человеческих или технических ошибок. Воровать, скорее всего, тоже не воровали, разве что медицинский спирт, выдаваемый «для промывки фокусного расстояния» всяких теодолитов и нивелиров.

Раньше Ляхов предпочитал Императора ненужными подробностями не отвлекать, делал своё дело, довольствуясь тем, что окружные власти и сам генерал-губернатор Урала и Западной Сибири отнеслись к предъявленным им полномочиям и самой задаче с полной серьёзностью. То есть к тому моменту, когда Олег соизволил лично побеседовать со своим «сопредельным удельным князем», то есть Президентом Российской Федерации, подготовительные работы были выполнены на девяносто процентов. Зная об этом, Секонд с Сильвией позавчера в очередной раз «нажали» на Государя, чтобы убедить его изменить свою несколько отстранённую позицию в отношении «Креста» да и самой идеи форсированного воссоединения двух Держав.

Пообещали буквально на днях доложить о практических результатах «проекта», а также и изменении точки зрения Президента. Наметились, мол, серьёзные «позитивные подвижки». Олег Константинович, всегда любивший всякого рода *предприятия* с авантюристическим оттенком, благосклонно покивал головой.

– Что ж, если так, то я не против. Не против. Посмотрю, что у вас получится.

Пусть в устной форме, высочайше повелеть соизволил – стационарный проход в соседнюю Россию, буде такой практически возможен – открыть! На перерезание ленточки пообещал прибыть лично. А уж как такой путь использовать, и использовать ли вообще, он на досуге ещё подумает. В любом случае всё, что находится на территории Его Державы, входит в сферу Его стратегических интересов. Мировая практика подобных примеров не знает? Так узнает, даст бог.

В очередной раз перед Ляховым-Секондом замаячили широкие погоны с императорским вензелем и витые аксельбанты.

Невиданное (по своей сути) в истории строительство никакого ажиотажа у причастных к нему, но непосвящённых лиц не вызвало. Мало ли где и какие объекты приходилось возводить? Одних горных, военного назначения дорог в непроходимых даже для выючного транспорта местах проложили десятки, на Кавказе, Памире, Тянь-Шане. Железнодорожную колею от порта Провидения на Чукотке до Якутска недавно сдали в эксплуатацию.

То, что поручили сейчас, – так, пустишок, на два месяца спокойной работы.

От ближайшего разъезда потянули железнодорожную ветку, благо, рельеф благоприятствовал, кроме нормальной насыпи никаких инженерных сооружений строить не пришлось. Параллельно местные подрядчики, привлечённые двойной, против обычных расценок, платой, принялись прокладывать грейдер с перспективой покрытия полотна асфальтобетоном. Зачем,

почему – никого не интересовало. Наверное, очередной завод собираются строить. Или рудник. Начнут – видно станет, какой кому гешефт сорвать получится. А пока и так хорошо.

Надев положенные при горных работах каски и иное снаряжение, «инспектирующие лица» на мотодрезине углубились в тоннель, снаружи производящий вполне удовлетворительное впечатление. Производитель работ, инженер-полковник, носивший, по странному совпадению, фамилию Клейнмихель¹¹, но не Пётр Андреевич, а Василий Августович, давал пояснения.

Внутри тоннеля присланная из отдалённого гарнизона инженерная рота со специальной техникой прежде всего густо, на два сантиметра, покрасила «золотой пояс» битумным лаком и из пескоструйных машин покрыла мелкой гравийной смесью. После чего отбыла обратно. Едва ли кто-то, включая офицеров, вообще догадался, чем здесь пришлось заниматься. Солдаты в минералогии не сильны, и обставлены работы были надлежащим образом, чтобы и чересчур догадливые ни осколка, ни крупинки жёлтого металла в карман не словчились сунуть. А потом думайте и говорите что угодно – привезли роту ночью и увезли ночью, попробуй догадайся, где именно в радиусе пятисот вёрст располагалась пещера, в которой пришлось поработать в противогазах и костюмах химзащиты.

Когда золотое кольцо было надёжно укрыто от человеческих глаз и специальная проверка подтвердила, что маскировка и изоляция никак не повлияли на свойства прохода, началось нормальное обустройство тоннеля, по положенным для такого рода объектов СНИПам¹² и требованиям техники безопасности.

Всего за три недели всё было готово к началу эксплуатации. Из двадцатиметровых, снаружи смонтированных секций рельсов со шпалами положить три километра пути, пока одноколейного – плёвое дело. Так полковник и выразился. И шоссейная двухполоска рядом – в полном порядке, до выходного портала хоть на лимузине подъезжай. Дальше, конечно, на *той* стороне, до самой заброшенной бетонки на Златоуст (бывшей секретной, для ракетных тягачей), ехать желательно на вездеходах и гусеничной технике, но вполне можно, в любую погоду.

Однако, если Президент согласие всё же даст, императорские инженерные войска, хоть с привлечением областных дорожных служб и фондов, хоть без оно, наподобие древнеримских коллег, за следующий месяц проложат такую дорогу, что пресловутой МКАД стыдно станет. Причём – не украв ни копейки казённых денег.

Очень это легко и просто делается – пресечение якобы непреодолимой силы коррупции. Если есть, конечно, хоть малейшее желание ей воспрепятствовать. Один конкретный человек смету подписывает, второй с ней соглашается (или нужные поправки вносит, поскольку за всё отвечать ему лично). Финансирование открывается на имя непосредственного исполнителя. Между заказчиком и производителем работ – ни единого посредника. Одни безгласные подчинённые. Сегодня за сто рублей расписался – завтра квитанции и платёжные ведомости на стол. Расходы *непредвиденные* возникли – или оправдай *форс-мажором*, или возмещай из своего кармана. Как в нормальной семье: сегодня жена, скажем, картошку в десять раз дороже обычной купила (ну, получилось так!), значит, изволь следующие две недели выкручиваться – новым деньгам до очередного жалованья взяться неоткуда.

А закончили объект, сдали совершенно ни от кого не зависимому военпреду(за которым свой пригляд) – тогда и посмотрели, кто в пролёте, казна или подрядчик. Казна своё в любом случае с подрядчика возьмёт, а уж он, болезный, может озолотиться на удачном контракте да

¹¹ Клейнмихель П.А. – граф, главноуправляющий путями сообщения в середине XIX века, руководитель строительства Николаевской железной дороги (Петербург – Москва).

¹² СНИП – строительные нормы и правила.

с премиями всякими, тоже заранее оговоренными, – за срочность, за качество, за полезные рационализации. А в трубу вылетит, так до нас сказано: «Не умеешь – не берись».

Тем более, как известно, традицию – пешком по этапу к месту отбытия наказания, если ни от кого не зависимый, кроме как от Государя, генерал-прокурор подобную меру изберёт – никто не отменял. Прогулка от Москвы, скажем, до Соль-Илецка, не говоря о Магадане, прочищению мозгов и возрождению нравственного чувства очень способствует (гораздо лучше для здоровья, заметим, чем душные тюремные вагоны и бесконечные пересыльные централы). Плюс сам срок (хоть и «пятёрка» обычная, а не бессрочная каторга), это не собственная дача на Лазурном Берегу или в Симеизе, это гораздо хуже. Сто раз подумаешь перед тем, как казённую копейку зажить!

– А команда будет – от выходного портала ветку до стыковки с тамошней «железкой» тоже за два месяца кинем. Не впервой. Рельеф-то известный, тот самый, что и у нас, – будничным голосом сказал Клейнмихель. – Изысканий проводить не придётся, давно всё отснято, и глазомерно, и инструментально.

– Вы-то сами на той стороне были? – скорее из любопытства узнать, как реагирует на парадоксы природы обычный армейский инженер, спросил Фёст.

– Бывал, ознакомительно, – ответил полковник.

– И как?

– Да как всегда, – дёрнул плечом, где под брезентовой курткой топорщился погон, инженер. – До Трансатлантического кабеля письма шли из Америки в Европу месяц. Потом – три дня. Каравелла плыла шестьдесят дней, реактивный самолёт – пятнадцать часов. Теперь сообщения проходят за пятнадцать минут. У вас, я слышал, можно с любой точкой Земли общаться с любого места и в ту же секунду. Наши ведь, инженерные достижения. Сейчас оказалось, что в соседние миры проникать можно хоть на паровозе марки «ЭР». Ну и слава богу. Всё дело в том, что я совершенно не уверен, будто наши открытия как-то влияют на сумму человеческого счастья. Вы бы не хотели пожить на древнеримской вилле и сравнить?

«Ещё один философ на нашу голову выискался», – подумал Фёст, глядя на умное утомлённое лицо пожилого и опытного человека.

– А водку вы пьёте? – спросил он в стиле Салтыкова-Щедрина. – Если бы, например, выпить при сём две-три рюмки водки, то ничто бы, пожалуй, не воспрепятствовало нам, помимо свободно-разумного отношения к действительности, выразиться и так: «Господа! Да неужто же, наконец...»

«Современная идиллия?» – уточнил Клейнмихель, одновременно показывая взглядом и общим выражением лица, что означенный тезис полностью разделяет.

Что они и сделали, пока дрезина не докатилась до последнего звена рельсов, упирающегося в броневой щит.

Убедившись, что дело в основном сделано и остались только косметические, по сути, работы, уточнив ряд практических вопросов, в том числе и насчёт оборудования специальных пересадочных и перегрузочных терминалов с обеих сторон тоннеля, Фёст с Секондом вернулись в Москву. Вся командировка заняла ровно двое суток реального времени, без всяких межвременных скачков. Обычный самолёт, обычные автомобили.

На Столешниковом они застали и обеих «валькирий», и Мятлева, всех в полном порядке. Людмила не захотела посещать другую реальность, не дождавшись Фёста. А Леониду с Гертой здесь тоже было лучше. Генерал продолжал медленное и спокойное налаживание с «первой любовью второй молодости» ровных и в перспективе длительных отношений. Герта не возражала. Она тоже увлеклась своим новым положением, на ближайшее время не требовавшим никаких «служебных» действий. Вадим Петрович позволил ей «быть самой собой», и это было чудесно.

Зато Фёста очень встревожил факт, что Сильвия до сих пор не вернулась. Уж ей ничего не стоило рассчитать соотношение времён при самом банальном перемещении по надёжно освоенному маршруту.

Уединившись с Секондом в кабинете, он высказал аналогу своё беспокойство. Тот отнёсся к его настроению как-то очень легко. Мол, что хочет леди Си, то и делает. Шульгин, Новиков и другие сейчас проникли в такие глубины времён и пространств, что связи уже два с лишним месяца нет, и ничего. Воронцов, и тот не волнуется.

– Это совсем, брат, другое. Ты ведь тоже не беспокоишься, как там сейчас Майя с Татьяной в Кисловодске обретаются? Кстати, не сбегать ли нам всем туда на денёк-другой? С женой повидаемся, и гостю «культурную программу» расширим. Покупать человека, так за настоящую цену.

– Свободно. Прямо утром можем, здесь делать всё равно нечего, а к президентским ребятам нам с тобой без разницы, когда приходить. Всё равно окажемся там «когда надо», – легкомысленно ответил Секонд.

– Договорились. С утра и отправимся, опять твоим казённым самолётом. Только Майе предварительно позвони, чтобы не вышло классического сюжета: «Вернулся муж из командировки», – с аналогом он мог себе позволить шутки такого рода.

– Позвоню. Прямо сейчас, пусть стол накрывает. Но про Сильвию мне так не совсем понятно...

– Соображать надо, господин академик. Если человек, имеющий возможность вернуться в исходную точку времени и пространства по прошествии любого локального времени, этого не сделал, значит, он не может этого сделать. По какой угодно причине, пусть нам и непонятной. Теперь дошло? А с нею и Уваров, и остальные наши девушки. Есть повод для тревоги?

– Не поспоришь, – вздохнул Секонд, – только мы ведь никаким образом на это дело повлиять не можем. Разве что попробовать – по их следам...

Глава девятнадцатая

Встречавший группу гостей, а скорее – пленников «циркач» с погонами английского капитана начала XX века, не стыкующимися с архаичной формой, никак не представившийся, был, разумеется, таким же роботом, вышедшим из тех же «мастерских» Замка, что и биороботы «Валгаллы», хорошо и близко знакомые Сильвии и Басманову. Удолину, конечно, тоже.

Профессор, впрочем, хотя и привык пользоваться их услугами, относился к «механическим людям» негативно, воспринимая их как аналогов «големов» Бен-Бецалея. По личному опыту знал, что добра от «голема» ждать не следует. Уж если заклинания самого правнука в пятой степени царя Соломона не всегда оказывались действенной мерой сдерживания тех лишённых намёка на подобие «души» глиняных существ, так чего можно ждать от сугубо механических изделий на «электронных схемах», понятие о которых Константин Васильевич имел самое смутное.

– Тебя, любезнейший, как звать-величать? – тоном барина-крепостника, обращающегося к незнакомому дворецкому соседа по имению, спросил Басманов, всем видом показывая, что хоть на капитанские, хоть на фельдмаршальские погоны самозванца ему плевать.

Марина посмотрела на своего вновь обрётённого кумира с восхищением, остальные – с должной степенью уважения. Правильный тон взял господин полковник. Только пилоты и экипаж «Буревестника» восприняли это как должное. Все они родились, как говорил Бендер, «ещё до исторического материализма» и в чинопочитании толк знали.

Хорошо ещё, по стойке «смирно» не поставил этого нахала Михаил Фёдорович и не заставил рапортовать, как положено. А как это умеет делать Басманов (до сих пор отчего-то полковник), командир легендарных «рейнджеров Каховки», в югоросской армии знал самый зелёный прапорщик.

– Капитан Джинджер, к вашим услугам.

– К моим? – удивился Басманов.

Сильвия с удовольствием наблюдала, как Михаил, используя совсем древние психологические приёмы, приводит в чувство не то чтобы напуганных, но прилично ошарашенных спутников. Из семнадцати оказавшихся здесь человек лишь они трое, включая Удолина, что-то понимают. Остальных удерживает в должных рамках только дисциплина, как Уварова, «валькирий» и лётчиков или высочайшая степень самоуважения, как Катранджи (своим прыжком в пропасть он уже почти «потерял лицо», больше такого не допустит). Наоборот, в рамках своего восточного менталитета способен сорваться в приступ истерики, деликатно называемый «отвагой шахида».

– Если вы офицер, – продолжал гнуть свою линию Басманов, – вы, исполняя приказ или служебный долг, отнюдь не можете быть «к услугам». Я понятно выражаюсь?

«Опять урок даёт девчонкам, больше некому, – подумала Сильвия. – Лётчики и так готовы умереть, раз служба требует. Уварова не вдохновлять, а сдерживать надо. Нет, ну каков Михаил, – она чуть вслух не рассмеялась. – Всё, что можно, человек прошёл и пережил, а мои соплячки (леди Спенсер уже и думать научилась настолько по-русски) ему голову вскружили».

Но тут же с присущим ей чувством объективной справедливости признала, что полковник вёл бы себя точно так же в любой обстановке. Независимо, стоят *за его спиной* юные девушки-офицеры и она, единственная зрелая женщина, способная правильно оценить его неповторимый стиль, или *перед ним* стоит расстрельная команда. К случаю вспомнился Гумилёв, с которым ей довелось встретиться в девятьсот семнадцатом в Лондоне.

«... Но когда вокруг свищут пули,
Когда волны ломают борта,

Я учу их, как не бояться,
Не бояться и делать что надо.
И когда женщина с прекрасным лицом,
Единственно дорогим во вселенной,
Скажет: «Я не люблю вас», —
Я учу их, как улыбнуться,
И уйти, и не возвращаться больше.
А когда придёт их последний час,
Ровный красный туман застелет взоры,
Я научу их сразу припомнить
Всю жестокую, милую жизнь,
Всю родную, странную землю
И, представ перед ликом Бога
С простыми и мудрыми словами,
Ждать спокойно Его суда...»

Гумилёв в *той*, настоящей для обоих жизни не был знаком с Басмановым (хотя могли бы и пересечься где-то под Сморгонью или во время кратких отпусков с фронта в Петроград), но писал свои стихи, не только себя лично имея в виду (хотя себя прежде всего, конечно), а и таких вот поручиков и капитанов, десятью годами младше его возрастом¹³, но воевавших на той же самой войне.

– Отчего вы вдруг – англичанин? – продолжил полковник. – Вы что – завоевали Замок? Как давно? В ходе какой кампании? Многие из нас тут бывали раньше и не замечали следов иноземного присутствия. И почему при этом говорите на чистом русском, даже без акцента?

Слова Басманова на какое-то время повергли «капитана» в замешательство. Он явно не был подготовлен к ответу, а скорее всего, просто не понял, как следует соотнести пять заданных в быстром темпе вопросов, причём – из разных смысловых рядов. Тут и обычный, не слишком развитый человек запутался бы.

– Не могу ответить, – наконец сказал «Джинджер», запрограммированный, очевидно, крайне небрежно, на одну-единственную функцию. – Я – капитан, командир роты охраны Замка. Имею приказ встретить вас и доставить в Замок. До ворот. Там мои полномочия заканчиваются.

Сильвия вдруг шагнула вперед и выдала длиннейшую, очень быстро произнесённую фразу на смеси «оксфордского» английского и солдатского жаргона, употреблявшегося Киплингем в его «колониальных» стихах.

Джинджер посмотрел на неё растерянно. Да и остальные тоже, кроме «валькирий», они, как известно, знали все европейские языки и диалекты. Кто-то даже хихикнул.

– Я повторила твой вопрос, Михаил, причём добавила несколько непристойных и оскорбительных для офицера выражений, – пояснила Сильвия. – С Замком явно не всё в порядке, без Антона он стремительно деградирует. Какая-то художественная самодеятельность в сельской школе...

Басманов махнул рукой:

– Я с первого взгляда примерно так и подумал. Поехали, что ли?

Он, ничего не говоря «капитану», сам сел за руль «Виллиса», указав аггрианке место рядом. «Капитан» покорно, не выразив и тени несогласия, полез через борт на узкое сиденье между задними колёсными нишами. В смысле комфорта «Виллис» – крайне неудобная

¹³ Гумилёв Н.С. (1886 г.р.) – на ПМВ сначала вольноопределяющийся, потом прапорщик, подпоручик. Басманов М.Ф. (1894 г.р.) – на ПМВ подпоручик – капитан.

машина, только втроем на нём ездить хорошо, хотя в боевых условиях и восемь бойцов с оружием легко помещались.

Сильвия устроилась на жёстком, обтянутом дерматином полукресле, напоминающем куриный насест тем, что с него так же легко свалиться, тем более – на скорости. Сиденье почти вровень с бортом, вместо дверцы – вырез, чтобы ноги пронести. Она вдруг с тёплым чувством вспомнила события богзнаетскольсколетней давности, ещё до того, как они отплыли отсюда в Крым на строящейся тогда вон там, сотней метров левее, «Валгалле». Шульгин тогда заказал Замку эти самые «Виллисы» для всех, чтобы ездить на верфь и просто кататься по окрестностям. Только что прибыв из страны никак не «доразовьющегося»¹⁴ социализма, ему казалось интересным и забавным тешить себя памятной по детству экзотикой. Такими вот машинками – в том числе. Очень удобно, особенно для женщин, – садиться легко, и даже ключа зажигания нет. Повернула рычажок на панели – и езжай. Скорости переключать необязательно. И на первой (10 км/ч) до места спокойно доедешь.

Остальные пятнадцать гостей разместились в автобусе, где роль водителя исполнял такой же робот, но с нашивками сержанта на рукаве серой рубашки.

– Езжайте прямо, – сказал «капитан», будто здесь была ещё какая-нибудь дорога.

Через десять минут, обогнув скалистый отрог, они увидели Замок. Сильвии по своему опыту сначала пленницы-аггрианки, а потом и настоящей «сестры», проведшей здесь порядочное время, вновь увидеть его невероятной высоты стены, угловые и промежуточные башни, донжоны, десятиметровой ширины ров, неизвестно от кого и от чего защищавший, было просто приятно. Как одну из достопримечательностей своей долгой, но в отличие от распространенных мнений не такой уж богатой яркими событиями жизни.

Вон Басманов кружит девчонкам головы своими геройскими похождениями. Да, были, никто не спорит. Так ведь не говорит же, что на два-три ярких боя приходится месяцы и месяцы сидения в окопах, грязь под ногами, дождь или снег сверху, борьба со вшами (бичом Мировой войны вместе с давно с тех пор забытым тифом), бессмысленные перемещения вдоль фронта, в тыл и обратно, скудная и невкусная пища.

Да хоть бы и приснопамятную Цусиму взять – больше полугода мучительного кругосветного плавания и три часа сражения!

Вот и у неё так. Почти сто пятьдесят лет прожила на Земле, а если собрать всё яркое и интересное в один букет, ненамного больше и выйдет, чем у тридцатидвухлетнего полковника.

Удолин впервые увидел Замок снаружи. Всегда он попадал только внутрь, внепространственно-астральным способом. И знал там, кроме *коммуникационного* кабинета, свой любимый бар да ещё несколько помещений.

Остальные Замок не видели никогда, а слышали о нём только девушки, от Натальи Андреевны, причём в основном как о месте, где она «стала сама собой» и встретила своего Дмитрия. Технических, архитектурных и прочих вопросов не касалась. «Валькириям» этот Замок представлялся вещью вполне абстрактной, вроде Шамбалы, Беловодья и чего-то в этом роде, заманчивого, но к повседневной жизни отношения не имеющего.

Катранджи, Уваров и лётчики совсем ничего не представляли и не понимали. Но увидели это титаническое сооружение и, кроме обычного удивления, можно сказать – потрясения от мгновенного перемещения из привычного мира совсем в другое место, невольно прониклись чувством, похожим на то, что испытывает человек, впервые соприкоснувшийся с одним из пресловутых «чудес света». Сильвия не помнила за собой подобной эмоции, вслух высказанной одной из девушек. Замок восхищал, удивлял, вызывал почтение своим величием – это

¹⁴ Имеется в виду терминология советских партийных теоретиков, время от времени изобретающих термины, как-то маскирующие реальную несостоятельность происходящего. Был сначала просто «коммунизм», «коммунизм военный», «социализм эпохи реконструкции», «социализм построенный, полный, но не окончательный», «социализм окончательный, но развивающийся», «социализм развитой». На нём всё и закончилось в 1988–1991 г.

она помнила, пусть и оказалась во вражеском гнезде, подобного которому аггры на Земле не создали. Считали, что и базы на Таорэре достаточно. Но вот чувства «приниженности» перед *нечеловеческим* величием она не испытывала даже в тогдашнем своём положении. Сейчас – тем более. Начала нарастать в ней боевая злость.

Значит, кое-что изменилось. И землян сейчас *пригласили* сюда несколько с другой целью, чем раньше, это очевидно.

«Ничего, прорвёмся, – подумала бывшая агтрианка словами своих друзей и пожалела, что нет сейчас рядом Воронцова, первым из всех посетившего Замок. В одиночестве, совсем ничего не зная и не ожидая каких-либо неожиданностей, прямо с сухумского пляжа, но тем не менее не растерявшегося.

Её пальцы нащупали в кармане свой блок-универсал. Одно движение, и можно вызвать сюда Дмитрия. (Если получится, конечно, преодолеть разделяющий неизвестно какие уровни континуума барьер. Но раньше получалось!) Вызвать и возложить на него все заботы, он ведь утверждал, что с Замком у него наладилось полное взаимопонимание, напрямую, минуя Антона.

Нет, не нужно, и сами как-нибудь разберёмся! Ничего ведь особенного. С Антоном приходилось бороться на равных, признавая силу и право друг друга, но и уважая соперника. А здесь какая-то дешёвая ерунда происходит. Словно в средневековом феоде на место барона внезапно уселся его шут.

Сильвия окончательно решила в нынешней ситуации стать главной. Кому же ещё? Даже по высшему счёту «Братства» она признавала по всем параметрам сильнее себя только Новикова и Шульгина. Достоинства Левашова не отрицала, но только в инженерной области. Воронцов, Берестин – мужчины, офицеры, умны и беспрдельно отважны, не поспоришь, однако... Пусть чуть-чуть, но из другой оперы!

К старому маразматiku и алкоголику Удолину с его замшелыми заклинаниями и почерпнутой из глиняных табличек мудростью она уважения совсем не испытывала. Разве что некоторый не совсем рациональный страх. Возьмёт и от вредности обратит тебя в жабу, и не успеешь блок-универсалом воспользоваться. В эти его способности, как ни удивительно, инопланетянка и «вульгарная материалистка»¹⁵ Сильвия верила. Пусть и выглядело это достаточно нелогично.

В то же время опытным взглядом бывшей главной координаторши она продолжала наблюдать, кто как из девушек-«валькирий» ведёт себя во вновь изменившейся обстановке. Вроде бы все одинаковы: совсем недавно она просканировала каждую и в биологическом, и в психиатрическом смысле. Даже Анастасия Вельяминова старается не выделяться. Однако тут неожиданно ярко проявила себя Марина Верещагина. Вроде не делая резких движений и никого не расталкивая плечами, она вдруг первой оказалась у дверцы автобуса, спрыгнула на вымощенную красным кирпичом дорогу. Раньше даже, чем Басманов перекинул ноги через порог «Виллиса».

С автоматом на изготовку, двумя пистолетами в кобурах на бёдрах и ножом ниже правого колена Верещагина змейкой метнулась влево, замерла у опоры моста в идеальной позиции – сбоку и сзади прикрыта гранитным столбом. Пожалуй, даже с привратных башен её не достать стрелой или пулей. Сама держит под прицелом автобус, джип, доставивших их сюда «охранников» и мост до самых ворот.

Титанический, неизвестно на кого рассчитанный – на колонны трёхметровых троллей или современную бронетехнику, – подъёмный мост был гостеприимно опущен. Пoblёскивали ничуть не заржавевшие цепи толщиной с телеграфный столб, под настилом, почти не колеблясь, стояла зеленоватая вода, местами подёрнутая ряской. Но ворота в стене между двумя

¹⁵ С точки зрения марксистской философии – материализм примитивный, грубый, не опирающийся на знание теории, не отразивший *основной вопрос философии* (см. Краткий философский словарь).

башнями, громадные, метров десять в высоту и не менее шести в ширину, окованные полосами буроватого металла и покрытые шляпками гвоздей, с тарелку каждая, были закрыты. Отчего бы? И на стенах, башнях, в бойницах никакого шевеления, отблеска оптики или дымков пушечных фитилей, если здесь играют в давнее прошлое.

Верещагина стояла, готовая ко всему. Бравая, подтянутая, даже с озорной улыбкой. Казалось бы, что она может со своей «трещоткой» против стен, какие и шестидюймовые гаубицы пробьют после долгой стрельбы прямой наводкой? Но в нынешних обстоятельствах её решение – наиболее тактически грамотное. И «противник», если он там есть, сразу поймёт, с кем имеет дело. Семнадцать человек, все вооружены, у всех имеется какая-то, пусть и не уровня «валькирий», боевая подготовка. Тут или без разговоров вводить в действие тяжёлое вооружение, или договариваться. Марина, как и все остальные, слышала обещание «английского капитана» проводить их «до ворот Замка». А что будет дальше? Ведь и сама Сильвия, и Басманов знают о почти полной физической неуязвимости роботов Замка. Не с автоматом против них выходить, а с противотанковым гранатомётом, да и то из засады. Или – использовать на полную мощь блок-универсалы.

Но дело сейчас совсем не в этом, до боя на уничтожение наверняка не дойдёт, а только в поддержании боевого духа личного состава.

Самым же главным для Верещагиной было то, что Басманов её решительность оценил, на что и был расчёт! Она сразу заметила его одобрительный кивок. Есть, мол, в группе инициативный боец, какой в нужный момент объявляется почти в каждом подразделении. Командир ещё только собирается приказ отдать, а кто-то уже занял ключевую для прикрытия товарищей позицию и готов к бою.

Вот и Марина! Случись что – откроет отсечный огонь и даст возможность остальным приступить к осмысленным действиям.

Каждая из девушек, как известно, умела (мадам Дайяна постаралась, обучая питомиц) охмурить и совратить любого мужчину по одной из пятнадцати стандартных программ, за полчаса превратить, условно говоря, Атоса в жалкого Казанову, ползающего у ног не поддавшейся ему с первого захода дамы. Только было у них и другое правило. Для работы можно всё. Хоть Катранджи, хоть Императора заставить в себя влюбиться (или просто возжелать) до полной потери самоуважения и здравого смысла. А если вдруг *своего* мужчину встретишь, уж тут без фокусов. Старайся понравиться, как самая обычная девушка, и страдай, если не повезёт, настоящему. Людмила и Настя сумели, кажется, найти своё счастье, оказаться подходящими невестами. Теперь и Марина человека, в которого ей захотелось влюбиться, увидела.

После недавнего обмена взглядами она опять нашла возможность оказаться в центре его внимания. Если даже сейчас прикажет: «назад, отставить», всё равно запомнит, *кому* он это приказал.

Ни Басманов, ни Сильвия не стали девушку останавливать. Всё правильно она сделала. Что-то долго раскачивается Джинджер, только-только из машины вылез, брюки на коленях отряхивает. И в Замке полная тишина. Ни почётного караула, ни наоборот. С прохождением сигналов какая-нибудь ерунда, или некто сценическую паузу выдерживает? Или ещё хуже – в программе самого Замка начались сбои по неизвестной причине? Может быть, он тоже подвергся информационной инвазии супердуггуров каких-то, оттого все странности. Будто специальный червь в управляющие программы внедрился. Сильвия начала профессионально ситуацию разбирать и оценивать, стоя при этом в сторонке, позади девушек и бравых пилотов, воодушевлённых броском Марины, тоже ладони на рукоятки своих «воеводиных» положивших.

Если дуггуры действительно сумели добраться до Замка, это очень плохо, это полная катастрофа. То, что они десантировались на Таорэру, особого удивления не вызвало. Практически неохраемая территория, расположенная в том же самом континууме, то есть проблема

перед ними стояла чисто транспортная. А Замок – это совсем другое – вневременной и внепространственный артефакт, для удобства посещавших его людей принимавший, в какой-то своей части, доступную человеческому восприятию форму. И что же это за силы, сумевшие проникнуть в него и непонятным, едва ли не бессмысленным образом перепрограммировать?

Предположение выглядит чересчур смело, но резон в нём есть. Не первый необъяснимый момент за последнее время. Отряд Шульгина – Новикова, отважно отправившийся на трофейной «медузе» в поход на «вторую землю», успел передать, что с чем-то непонятным встретился. И тут же Ларису ребята к себе вызвали (зачем, интересно, подумала Сильвия, если там «осложнения» ранее неизвестного типа начались?), после чего всякая связь с экспедицией прервалась.

Объяснения Удолина, единственного сумевшего выбраться со «второй Земли» (причём неизвестно, по своей воле, или его просто вытолкнули некие *силы*, сочтя его там присутствие лишним), потом рассказывал Воронцову, Сильвии и Берестину, как всё получилось. После встречи на «второй Земле» с представителями дуггурского *мыслящего* сословия, закончившегося непонятной агрессией «коричневой тучи» на дворец Рорайма, Константин Васильевич ощутил приближение чего-то совершенно непонятного, выходящего за пределы его мистического опыта. Кое-как объяснил друзьям, что, кажется, некие наконец-то «настоящие хозяева» планеты за ними идут, и лучше бы убраться отсюда поскорее. Внутренним взором он смутно различил нечто ужасное, одной природы с гоголевским Вием. Похоже, у профессора наступило некоторое помутнение сознания. Он неотчётливо помнил свои крики о «наступающей полночи», об отбивших «пятый удар» часах. А Новиков, Шульгин, Лариса, Ростокин, несмотря ни на что, сохраняли достойную преклонения выдержку. Стреляли по «туче» из гравипушки и пулемёта, даже сумели захватить в плен одного из «высших», «сияющего ангела», пойманного, как на живца, на Ларисины прелести¹⁶.

Удолин, видя, что к его словам не очень прислушиваются, рванулся к открытому Левашовым со стороны «Валгаллы» проходу. Попытался толкнуть перед собой Новикова, но тот отклонился, сделал шаг в сторону: негоже руководителю экспедиции первым бежать с корабля, оставляя за спиной почти двадцать человек, друзей, офицеров капитана Ненадо, пленника. Так Константин Васильевич в единственном числе вылетел на палубу парохода, и рамка за ним сразу закрылась.

Профессор, очень скоро обретя свой агрессивный апломб, после доказывал Воронцову и Левашову, что совсем он не испугался, и до последнего вёл себя геройски, сопротивляясь «энергетическим порождениям тьмы», похожим на глубоководных скатов, и лично принял на себя удар некробиотической энергии, прикрыв своим телом Новикова (что было правдой). Решение отступить он принял вполне осознанно, поняв, что идущая против них сила непреодолима и бессмысленна, как, скажем, радиация. Смешно же рвать на груди рубаху, пытаясь что-то доказать «рентгенам» или «зивертам».

– А как же ребята? – очень спокойно и даже деликатно спросил у него Воронцов, кое в чём с помощью Левашова разобравшись. – Ты – оттуда *ломанулся*, а Олег вам в помощь, навстречу твоей ретираде жену послал. Слабую женщину...

– Вы только мне, пожалуйста, господин адмирал, – с некоторой желчностью в голосе, продолжая снимать стресс коньяком, ответил Удолин, – не навязывайте своих идеалов эпохи загнивающего военно-феодалного строя. Видел я вашу *слабую женщину* в разных ипостасях. Оч-чень непонятно, какая она есть. То на балах мужчин очаровывает, то, сверкая глазами, лом об колено согнуть готова. Вы бы видели, Дмитрий Михайлович, с каким она лицом отсюда выскочила и как этого дуггурского мальчишку чуть что не за яйца схватила с отнюдь не сексуальным намерением. Не уверен, что он при её взгляде не обмочился в свои светящиеся ризы.

¹⁶ См. роман «Скоро полночь».

А вы говорите – слабая женщина... Я не убежал, не отступил, не *ломанулся*, как вы не совсем изящно выразились, а был оттуда *устранён*. Непонятным мне способом. Или я там оказался лишним с точки зрения *кого-то* враждебного, или был таким образом спасён от воздействия, коему противостоять был не в силах. Зато там остался ваш Антон, со всеми его способностями. Наверняка он там был полезнее меня. Я не «боец», в вашем понимании, и не нужно от меня этого требовать. Помню я, как в вашей «основной» истории загнали в «московское ополчение» сто тысяч интеллигентов-белобилетников, от студентов в очках минус восемь до профессоров консерватории. Уж они навоевали...

На том у них тогда с Воронцовым содержательная беседа и закончилась. Удолин есть Удолин. С ним ведь не поспоришь на равных. Пока он хочет – ты ему, бывший советский капитан-лейтенант, – годишься в друзья и собеседники. Если вдруг что не по его норову – он двухтысячелетний (как минимум) маг, а ты – всё тот же каплейт (центурион, в переводе на римские или какие угодно служебные категории), тридцати семи реальных лет от роду. И ни одна апория¹⁷ Зенона тебе не по силам. Как, впрочем, и Удолину – расчёт торпедного треугольника на логарифмической линейке (во времена службы Воронцова ни компьютеров, ни даже обычных калькуляторов не существовало). Электроники, считай, никакой не было, а умение соотнести свою скорость со скоростью цели, с учётом углов расхождения курсов, движения самой торпеды, волнения, глубины и всего прочего, да чтоб результат показал – вынь да положь.

Что на самом деле случилось (или как раз сейчас происходит) на «второй земле» с разведывательным отрядом, узнать пока не удалось. Время-то течёт везде по-своему, и если кажется, что банкет в Лондоне, вечеринка в Кейптауне, постельная сцена Сильвии с Императором Олегом, разыгрываемый Фёстом и его подружками *покер* с президентской командой стыкуются почти *поминутно*, то это глубокое заблуждение.

Попали друзья в плен к *истинным* хозяевам «Земли-2», или нашли с ними общий язык – неизвестно. Когда вернутся – тоже. Установка СПВ с парохода канал восстановить не могла. Единственное, что утешало и позволяло заниматься своими делами здесь, не впадая в отчаяние, – каким-то особым образом сигнал от имевшихся у Шульгина и Новикова маячков до форта Росс доходил, подтверждая, что друзья живы, а главное – приборы находятся при них. В чужих руках маячки просто инактивировались бы, имелись на этот случай подстраховки.

Интересно, что передача велась с ретрансляцией через Валгаллу-Таорэру, что первым заметил робот-связист. Ещё более интересно было то, что местонахождение передатчика не фиксировалось хронологически. Учитывая межвременное положение Валгаллы, с равным успехом экспедиция могла находиться в любой точке пространственно-временного континуума, но явно за пределами уже освоенных реальностей, значит, только на «второй Земле» или ещё дальше.

Была, конечно, у Сильвии мысль, что друзья, раз с ними Антон, могли отступить от неведомой опасности именно в Замок, но уж оттуда форзейль имел возможность свободного перемещения практически в любую точку пространства – времени, что неоднократно и доказывал. Следовательно, ни самого Антона, ни «братьев» там нет. Зато очень убедительно, после всего, что только что довелось увидеть, выглядит гипотеза: Антон полностью потерял связь с Заком, и тот пошёл «вразнос», как избавленный от графитовых замедлителей ядерный реактор. И всем сейчас заправляет Арчибальд, обиженный невежливым бегством гостей, на которых возлагал большие надежды. И без того невеликого ума механизм под влиянием «дестабилизирующих эмоций» мог превратиться в совершеннейшего монстра вроде Гитлера, на всю жизнь травмированного непризнанием его живописных талантов. А признали бы – писал по две кар-

¹⁷ *Апория* (по-греч. буквально – безвыходность) – неразрешимая проблема, вытекающая из столкновения противоположных, но равно справедливых аргументов.

тины в день, как Айвазовский, и был бы совершенно счастлив, нравственно и материально, оставив остальной мир сходить с ума как-то по-другому.

«Ну, ничего, – подумала Сильвия, – в ближайшие минуты всё станет ясно».

Она надеялась, что их появление (зачем-то их выдернули из своей реальности сюда?) вернёт Замку здравомыслие. Он исходно ориентирован на общение с людьми, по большому счёту – на служение им, и под должным контролем «умеет» вести себя правильно.

На мысли, желания, а то иногда и приказы совсем тогда ничего не понимавшего Воронцова при первой встрече он реагировал вполне адекватно, и модель-копию (чтобы его соблазнить и склонить на свою сторону) Натальи сконструировал без единой ошибки. Более того – сумел выявить, воспроизвести и закрепить самые лучшие, не всегда даже ей самой до конца понятные черты её личности.

Все мысли и воспоминания Сильвии промелькнули настолько быстро, что Басманов едва успел оценить обстановку и обратиться к «начальнику охраны».

– Ну, ты, – без всякого намёка на вежливость сказал Басманов Джинджеру под одобрительными взглядами Уварова и лётчиков, – скажи там, чтоб ворота открывали, а то мы и обратно можем. Нам такое ваше гостеприимство – до... – Полковник в стиле гвардейской конной артиллерии объяснил, до чего именно. При таких словах кони в манеже обычно прядали ушами и отворачивались.

Михаил мельком взглянул на сплочённую группу в синих рабочих кителях. Пилоты, совсем ничего не понимающие парни, далёкие от любых забав «высших существ», для которых родной двадцать пятый год – единственный из возможных, держались великолепно. Если что – на них можно положиться не хуже, чем на девочек-профессионалок.

Правда, следует признать – кое-какая психическая закалка у авиаторов есть. На их памяти взлетел бамбуково-полотняный самолёт братьев Райт, а сами они, не дожив до тридцати, уже пилотируют летательный аппарат, на два поколения превосходящий то, что им пришлось бы увидеть в нетронутой чужим вмешательством жизни. Вдобавок командир успел конец Мировой и всю Гражданскую повоевать на «Сопвиче», пять сбитых самолётов на счету.

Сейчас эти семеро офицеров и унтеров были гораздо ближе Басманову, чем все остальные, невзирая на его пятилетний опыт в «Братстве». Уваров – особая статья, он просто слегка растерялся, не зная, кем он может по-прежнему командовать, а кому должен подчиняться в слишком уж нештатной ситуации.

Сам же Уваров решил, что всё же полковник, поскольку сам в происходящем совершенно ничего не понимает, а чтобы совсем не оставаться «не у дел», продолжит выполнение единственного, никем не отменённого приказа – руководить своими девушками для сохранения жизни и свободы Катранджи, насколько хватит возможности. Остальное ведь – на ответственности «принимающей стороны»? Так было сказано начальством.

Он передвинулся вплотную к турку, сохранявшему подобающее его рангу спокойствие.

– Ибрагим Рифатович, всё время держитесь возле меня. Что здесь происходит, я, честно говоря, пока не врубился. Девчата будут прикрывать вас со всех направлений. Я – само собой. И вместе посмотрим, как дальше пойдёт.

– Как пойдёт, так и пойдёт, – с восточным фатализмом ответил Катранджи. Он уже устал от валяющихся на него один за одним «случаев». – Я смерти не боюсь, а она может прилететь в любую секунду из каждого окошка. Правильно?

Уваров машинально кивнул.

– Только никто никогда не проводит таких сложных операций, чтобы убить одного пожилого турка и несколько молодых русских людей. Наш самолёт можно было обрушить в море без всяких «заморочек». Значит, не только поживём, полковник, (даже эту тонкость русского обращения Ибрагим не забыл), но и увидим наверняка очень много интересного. А то, что случилось с крейсером, это, очень может быть, только прелюда. Или – прелюдия.

Так немедленно и случилось.

Ворота Замка неспешно, с намёком на кинематографический саспенс, отворились, и на мост вышел хорошо знакомый троим из присутствующих Арчибальд Арчибальдович. Впрочем, каждому знаком он был по-разному. В прошлое посещение он ухитрился казаться совершенно иным Сильвии, Басманову, Удолину, если приходилось общаться наедине. А уж что случилось, когда он затевал свои игры с Новиковым, Шульгиным и пришедшим из будущего специалистом по машинным логикам Скуратовым – это никому из присутствующих до конца не было известно.

«Человеком» он был чрезвычайно примечательной наружности. Высокий и широкоплечий, с заметной сединой в тёмных волосах. Мужественное загорелое лицо, украшенное тщательно ухоженными усами, выражало спокойную доброжелательность. Стройную, несмотря на возраст (около пятидесяти), фигуру облегал полувоенный костюм цвета хаки, к брюкам-полукалфе очень шли коричневые шнурованные ботинки до колен. Вылитый полковник Лоуренс Аравийский, только пробкового шлема и стека в руке не хватало.

– Дорогие друзья, как я счастлив снова принимать вас в своём поместье! – провозгласил он сочным баритоном, легко слышимым с двадцати метров, словно с трёх шагов.

Обращался он, конечно, к своим старым знакомцам, но и на остальных его радушные слова распространялись как бы по умолчанию.

Первым ему навстречу через мост пошёл Удолин, заранее протягивая руку. На середине моста они обменялись крепким рукопожатием, затем Арчибальд, ускорив шаг, приложился к ручке Сильвии, почти по-братски обнялся с Басмановым. Михаил не противился: лично ему хозяин Замка ничего плохого не сделал, конфликты, если и были, произошли на более высоком уровне.

– О! А какие прекрасные девушки появились, чтобы скрасить моё одиночество, временами – прямо невыносимое. – Он перецеловал руки всем «валькириям», каждый раз представляясь. К концу это стало выглядеть слегка карикатурно, как в фильме «Иван Васильевич меняет профессию». Особенно, когда Марине пришлось переложить автомат в левую руку, протягивая галантному кавалеру правую, пахнущую не «духами и туманами», а обычной ружейной смазкой.

Желал ли Арчибальд достигнуть именно этого эффекта – неизвестно, может быть, просто набор стереотипов срабатывал, а элемент, отвечающий за самокритику, в контурах его псевдоличности отсутствовал. Когда Замок вместе с Антоном взялись реконструировать Наталью, они могли непрерывно сверяться с человеческой натурой форзейля и, главное, воспоминаниями и ощущениями самого Воронцова. Оттого всё так удачно и получилось. А сейчас несчастному Арчибальду подсказать, что его «заносит не туда» и что смокинг со шляпой канотье не носят (пусть по отдельности это весьма стильные детали туалета), было некому. Вот он и упибался собственным бесконтрольным величием.

Пожав руку последнему из бортстрелков «Буревестника», что было явно лишним (если в компании оказывается более трёх человек, от вновь пришедшего рукопожатий не требуется, достаточно общего поклона согласно этикету), он широким жестом предложил следовать за ним. Сильвия – по правую руку от него, Басманов – по левую.

– Зачем весь этот цирк? – спросил Басманов, поскольку Сильвия на правах женщины предпочитала по своей инициативе разговор не затевать. – Если захватил нас в плен, так к чему бессмысленные церемонии?

– Упаси бог, Михаил Фёдорович, уж имён-то Арчибальд не забывал, – о каком плене речь? Я только что выручил вас из крайне неприятной ситуации и рад, что удачно получилось. Я ведь предупреждал и Андрея, и Александра, что в «большом мире» им давно уже находиться крайне опасно. Помните наш предыдущий разговор, когда вы все сюда явились? Разве зря я предложил Южную Африку, XIX век? Сидели бы и не высывывались... – эти слова и по

тону, и по стилистике прозвучали диссонансно. – Вы не послушались, и случилось то, чего и я предвидеть не мог. Думаете, те, кто изловил и осудил на вечное заточение Антона, смирились с его бегством? Нет, нет и нет! Их злопамятность и мощь не имеют границ. Только я могу им противостоять, да и то лишь в пределах территории Замка.

Тут в его голосе прозвучало нечто вроде самодовольства.

– Я сумел сделать её независимой от существующей Вселенной и предложил вам всем гарантию безопасности. Вы не захотели меня послушать. Вы от меня, попросту говоря, бежали, задев, признаюсь, мои лучшие чувства. Но я не обидчив, моя единственная цель – оберегать моих друзей от любых опасностей, подстерегающих их в этом мире и за его пределами. Я полтора года летел для Антона. Потом пришли обычные земные люди, до которых мне раньше не было никакого дела. И вдруг, познакомившись ближе, я их полюбил... Да, да, не смейтесь, – он обратился непосредственно к Сильвии, заметив скользнувшую по её губам не совсем доброжелательную улыбку. – Ведь единственное, чего я хотел прошлый раз, – как можно ближе познакомиться с вашим другом Виктором. Я раньше не встречал людей с такими свойствами мыслительной деятельности, пришедших из недоступного мне будущего. Да-да, эфемерное будущее мне недоступно, как, впрочем, и вам, Сильвия: мы все обречены существовать в пределах определённых границ. Я только недавно выяснил, что доступное нам время и пространство находятся в обратно-пропорциональной зависимости, в определённых обстоятельствах то или другое стремится либо к бесконечности, либо к нулю... Проще говоря, то ли в вашем распоряжении беспредельное пространство, но крайне ограниченное время, то ли – наоборот.

– Может быть, теоретический семинар мы отложим на более подходящий момент, а вначале вы объясните, что вдруг с нами произошло и каковы ваши дальнейшие планы в отношении нас? – холодно спросила Сильвия.

– Обязательно и всенепременно, – закивал головой Арчибальд. – Сейчас мы придём на место, вы разместитесь по комнатам, по тем, где уже жили, или любым другим, на ваше усмотрение. Потом за дружеским столом мы удовлетворим взаимную любознательность...

Басманов, услышав о «дружеском столе», с удивлением почувствовал, что успел проглотиться и мысль о предстоящем обеде или ужине его радует. А ведь, казалось бы, они встали из-за обильного стола не более чем час назад. От силы полтора. А есть хочется так, будто произошло не менее полусуток.

Это очередная странность непонятным образом текущего времени, или Арчибальд решил устроить для них подобие одного из вариантов рая, где «удостоенные блаженства» могут пиршествовать и общаться с противоположным полом сколько угодно, не пресыщаясь и не утомляясь.

Удолин, Сильвия и Михаил предпочли занять те же комнаты, где уже останавливались, до сих пор хранившие следы их пребывания, включая предметы, которые они не сочли нужным взять с собой, уходя, и запахи, свойственные лишь им. У Сильвии – её духи, у полковника и профессора – остывший табачный дым.

Остальные поселились на том же этаже, со всем возможным в Замке комфортом, отвечающим вкусам каждого. На всякий случай, по решению Уварова, «валькирии» и сам он расположились в комнатах по обе стороны и напротив просторных апартаментов Катранджи. Лётчики, уточнив у Басманова, действительно ли могут заказать себе помещения по вкусу, попросили расквартировать их вместе. Очутившись неизвестно где, экипаж предпочитал не разделяться – мало ли что. Для них Арчибальд немедленно предоставил требуемое – отдельную секцию из семи комнат с просторной гостиной (или кают-компанией), отделанную и обставленную на уровне адмиральских люксов в доме отдыха под Гурзуфом. На большее фантазии у скромных лейтенантов не хватило, унтер-офицеры же подобной роскоши вообще никогда не видели.

Басманов, осмотрев расположение экипажа «Буревестника», счёл нужным провести краткий инструктаж. Чтобы, наконец, снять общее недоумение и пресечь «излишние умствования», как выражался Салтыков-Щедрин. Так или иначе лейтенантам и мичманам приходилось слышать о не отвечающем гимназическим представлениям устройстве мира. Если не меньше сотни членов достаточно тесной офицерской семьи югоросской армии и флота попадали в разные интересные ситуации, в том числе и в иные миры и времена, так в тайне этого не сохранишь. Дело лишь в трактовке этих ситуаций и степени приближённости каждого к первоисточнику сведений и слухов.

Полковник на ходу сконструировал подходящую к случаю легенду, объяснил, что происходящее вполне укладывается в рамки выполняемой ими задачи, о подробностях которой всё, что нужно, будет сообщено в соответствующее время и строго в пределах должностных обязанностей.

– Пока что можете считать себя в краткосрочном отпуске. Старший лейтенант Дмитриев несёт полную ответственность за вверенный ему личный состав. Вопросы внутреннего распорядка в экипаже – на его усмотрение. Предупреждаю – по территории Замка вы можете перемещаться свободно, куда заходить нельзя – туда просто не пустят. На «экскурсии» по одному не ходить. Заблудиться здесь практически невозможно – в случае чего просто заходите в первый попавшийся лифт и громко произносите место назначения. Он доведёт. Самое главное – во время прогулок вы обнаружите большое количество разного рода питейных заведений. Всё, что в них выставлено, – бесплатно. Поэтому особо предупреждаю – знать меру, как во время увольнения на берег в чужом порту. Мои дисциплинарные права в отношении вас не ограничены, поэтому в случае чего прошу не обижаться. Если кто меня ещё не знает, то не советую начинать знакомство с этой стороны.

На ужин с Арчибальдом собрался только «высший круг», считая Уварова и Катранджи. Для девушек и лётчиков Арчибальд организовал отдельную «культурную программу», нечто вроде кабаре + варьете (что, впрочем, почти одно и то же). Пусть молодёжь отдохнёт и развлечётся, не забывая себе головы «взрослыми» вопросами. Кристине вежливо, но твёрдо было указано, что некоторое время Ибрагим Рифатович обойдётся без её услуг. Спорить было бессмысленно.

С лучшей стороны проявил себя Удолин. Казалось бы, какое ему дело до мелких проблем незначительных людей, которых столько мелькало за минувшие века перед его глазами. Однако озаботился.

Отвел на минуточку Арчибальда в сторону от посторонних ушей и сказал ему достаточно веско:

– И чтобы никаких больше шуточек с этими юношами и девушками. Никаких «римских ночей» и принуждений к «счастью и любви».

Константин Васильевич деликатно намекнул на предыдущую попытку робота (иначе профессор это человекообразное чучело про себя не называл) внушить гостям Замка желание отбросить все моральные принципы и взаимно удовлетворить самые затаённые желания в отношении друг друга. Ему (Арчибальду) тот раз показалось очень интересным, для расширения собственных познаний в психологии, понаблюдать, как поведут себя люди, связанные очень сложными личными отношениями, получившие возможность реализовать все свои мечты и вожделения, хоть в интимной обстановке, хоть публично.

Еле-еле Новиков с помощью профессора сумел эту намечавшуюся и наверняка поведшую бы к нравственной катастрофе вакханалию пресечь в последний момент. Даже пистолетом пришлось намекнуть, что настаивать на своём – не нужно.

Удолин, будучи, с точки зрения Арчибальда, существом не вполне материальным и абсолютно нерациональным, нагонял на него подобие если не страха, то ощущения, что вступить в

конфронтацию с магом не стоит. С обычными людьми сначала разобраться бы. Поэтому Константин Васильевич немедленно получил заверения в том, что никаких вмешательств во внутренний мир гостей допущено не будет.

Взяв на себя функции хозяина и одновременно тамады Арчибальд произнёс целую серию вполне дежурных фраз о том, как он очень рад видеть и своих старых друзей, и новых гостей, непременно станущих таковыми, о том, что они не должны себе ни в чём отказывать, ибо «мой дом – ваш дом!» и так далее... Басманов, пусть не очень долго, но всё же послужив на Кавказском фронте, а потом пожив в Стамбуле, кривился от потока восточных банальностей самого низкого разбора.

Он посмотрел на Катранджи. Тот понимающе усмехнулся и сделал римский императорский жест – большой палец вниз.

Всё ж таки, выстраивая свою личность по доступным ему образцам, Арчибальд позаимствовал у землян слишком много лишнего, прежде всего страсть к «велеречивости». Сообразить, что копирование длительных, вплоть до академического часа, рассуждений Удолина на любую подвернувшуюся тему ещё не есть определяющий признак разумного существа, он пока не успел. Что же говорить об обычном «словоблудии» Новикова, Шульгина, Левашова? Стилистика и витиеватость выражений Воронцова заслуживают отдельного разбирательства. Потому Арчибальд, как какой-нибудь персонаж Гоголя или Достоевского, повращавшись в обществе образованных людей, тоже вообразил, что выражаться нужно как минимум «красиво», употребляя как можно больше «по-научному» звучащих слов и выражений.

Мысленно пропуская целые словесные периоды робота, не несущие вообще никакого смысла (как абзацы из докладов партийных секретарей советских времён), а остальную часть его выступления мысленно сократив примерно вчетверо, слушатели поняли, до каких высот самоутверждения успел подняться данный механизм. Лет сорок назад в большой моде были фантастические книжки о всемирном бунте роботов. Так там речь шла о примитивных ламповых устройствах, работавших на перфокартах, с быстродействием тысячу операций в секунду, а теперь к идее мирового (если не вселенского) господства пришёл псевдоразум с непостижимыми для большинства земных учёных способностями и возможностями.

Одно счастье – он по-прежнему оставался конструкцией, пусть даже и наделённой бесчисленным, далеко превосходящим человеческую нервную систему количеством элементов и связей, со скоростью проводимости «нервных импульсов», приближающейся к скорости света, но лишённой существенного свойства, не говоря о «душе» или чём-то подобном. Самой обычной интуиции у Арчибальда не было, и того, что называется «житейским умом», тоже. А что есть «ум», и что отличает даже малограмотного, но «умного» человека от облечённого академическими степенями «дурака»? Всего лишь способность мгновенно принимать решение, *адекватное* ситуации. И ничего больше. Лишённые же этого природного свойства люди (и «не люди» тоже) приходят к окончательному результату путём длительных сомнений и терзаний, тупого перебора вариантов, гадания на картах или внутренностях животных, а нередко – подбрасыванием монетки. Что уж говорить об интуиции и «гениальных озарениях»?

В конце концов Арчибальд сообщил (и это было самым главным), что после того, как люди, в том числе и Антон, его покинули, он решил принять всю ответственность за судьбы этого потерявшего управление мира на себя. Ничего сложного в поставленной задаче он не видел. Информации у него достаточно, все ошибки, допущенные форзейлями, агтрами и обычными земными правителями, стремившимися к власти над миром, он проанализировал и учёл. Разработал собственный, безупречный план. Друзья (он привычно, или подчиняясь какому-то императиву, заложенному в самые основы его личности, продолжал называть Антона и всех остальных «друзьями») вначале правильно поняли его предложение и удалились на сотню лет назад, в Южную Африку. Там они получили возможность создать новую временную линию и жить совершенно спокойно, не вмешиваясь в события на Главной Исторической Последова-

тельности, которую Арчибальд *по праву* считал «линией своих жизненных интересов». Он не возражал и против того, чтобы люди продолжали использовать планету Валгалла-Таорэра (тут он отвесил полупоклон с сторону Сильвии, как бы признавая её права на названную территорию). Однако его не послушались. Вначале вмешались в дела дуггуров, до которых им не было никакого дела, а потом, буквально ни с того ни с сего, принялись наводить свои порядки и внедрять неподходящие принципы в *истинной реальности* (понимая под ней ту же ГИП).

– Простите, кто начал вмешиваться? – спросила Сильвия тоном отличницы, не совсем понявшей преподавателя на семинаре. – Кажется, так называемых *дуггуров* никто не трогал, пока они сами не появились и на Земле, и на Таорэре. Получили отпор, не спорю, но не более чем соразмерный. Не так?

– А зачем Новиков с Шульгиным, меня не послушав, пошли в пещеры дагонов? Зачем, захватив *корабль*, полетели на «Землю-два»?

– Зачем ты, Арчибальд, захватил наш самолёт и притащил нас сюда? – в той же логике ответил ему Басманов. – Разве это подпадает под положения Гаагских конвенций тысяча восемьсот девяносто девятого и тысяча девятьсот седьмого годов? Все здесь присутствующие относятся к категории *некомбатантов*¹⁸, в пределах, только что тобою обозначенных. И, следовательно, на территории третьих стран не подлежат даже интернированию. Поясни, пожалуйста.

Полковник давно понял, что в Замке и с Замком лучше всего разговаривать не эмоционально, а *формализованно*. Так он быстрее запутается в собственных построениях.

Наверняка Арчибальд прокрутил в памяти все пункты и положения названных конвенций, включая дополнения тысяча девятьсот пятьдесят четвёртого года, и ответил почти возмущённо:

– О каком интернировании может идти речь? Это было всего лишь спасение терпящих бедствие на море и в воздухе! – Он мгновенно привёл соответствующие статьи всех существующих в современном международном праве договоров и соглашений. – Без моего вмешательства ваш самолёт и все вы были бы уничтожены ровно через три минуты семнадцать секунд ударом молнии. Естественного в южных широтах природного явления. Я узнал, просчитал и успел немного раньше.

– Как трогательно, – сказал вертящий в пальцах тонкую ножку коньячной рюмки Удолин. – Мы вам несказанно благодарны. И что дальше?

– Дальше вы побудете моими гостями столько времени, сколько потребуется, чтобы нейтрализовать все связанные с вашими вмешательствами в «ткань времени» явлениями.

– Хотя бы совместимо это «время» с продолжительностью нашей физической жизни? – спросила Сильвия, вспомнив разговор Антона, Скуратова и Арчибальда в прошлое посещение.

– Вас это не должно *слишком* интересовать, – неожиданно резко, если не злобно, ответил Арчибальд.

– Конечно, конечно, – опять удивительно мягко ответил Константин Васильевич очень ему не свойственным образом.

«Наверняка уже придумал свою *контроверзу*, – подумала Сильвия. – И дай бог! Похоже, иначе, как магическими способностями этого вздорного старца (пятьдесят пять лет физического возраста, более двух тысяч, по его словам, реального), мы с Замком не справимся».

– Меня не интересует почти ничего, – продолжил Удолин. – Если мне довелось увидеть пресловутый «Большой взрыв», так тринадцать миллиардов лет туда, столько же сюда – не принципиально.

¹⁸ *Некомбатанты* – лица, не входящие в состав вооруженных сил воюющих сторон и не принадлежащие к каким-либо вообще формированиям, принимающим участие в боевых действиях (партизаны и т. п.).

Арчибалд естественным образом обалдел. Лишённая воображения машина моментами склонна принимать любой сигнал, поступающий на её воспринимающие внешнюю информацию модули, как истину. Иногда нуждающуюся в проверке, а иногда и нет.

Так и начали вертеться «шестерёнки» внутри немыслимо сложной и настолько же ничёмной, если некому ею управлять, машины. Не умевший писать Сократ и то наверняка презрительно бы поморщился. Простейшая (для «дураков») посылка – если объект «Удолин» существует превосходящее обычное для биологических существ время, то отсутствует принципиальное различие между тысячей и тринадцатью миллиардами лет. Если объект «Удолин» владеет десятью (условно говоря) способностями в ментальной и физической сфере, мне недоступными, нет оснований считать, что он не владеет ста или тысячей.

Вывод (в пределах «сократической» логики) – объект «Удолин» является интеллектуально доминирующим, поскольку я не в состоянии доказать его неправоту.

«Что и требовалось доказать», – в пределах той же логики подумал Константин Васильевич, уловив систему мышления Арчибалда. Он, опустив руку вдоль спинки кресла, показал только Сильвии особым образом сплетённые пальцы. Это был тайный знак посвящённых, употреблявшийся шумерскими жрецами, раскрытый Удолину Верховным из Верховных, после того как профессор извлёк из-под хитона (или шерстяной юбки? Чёрт знает, сколько веков и цивилизаций он посетил, попробуй упомни, где когда что носили!) титановую пол-литровую фляжку. И каким же почтением тот самый жрец проникся к профессору, хлебнув настоящего «Арарата» после мутного просяного пива!

Тайный знак сообщал, что ситуация под контролем, и никому в её разрешение вмешиваться не нужно. Сильвия шумерских обычаев не знала, но мистическое свойство знака было таково, что его понимал тот, кому он предназначался. Независимо от возраста, образования и национальности. Следующим жестом Константин Васильевич сообщил остальным, что вступать в данную дискуссию им никоим образом не следует. Без них разберутся.

Дальше Константин Васильевич самым блестящим образом начал *раскручивать* Арчибалда.

Он заставил его рассказать всю предысторию, историю, а главное – методику его действий – то ли повелителя, то ли слуги *настоящего* Замка. Всю картину (несколько не совпадающую по *реальному* времени) организованной им вооружённой конфронтации между двумя чересчур близкими реальностями. Арчибалд, по своей «наивности», а точнее – интеллектуальной примитивности, считал, что поражение, нанесённое направляемыми им силами возрождающейся Империи Олега, лишит «друзей» как минимум уверенности в своих способностях. Они проиграют сражение за три реальности сразу. Да и как могут не проиграть? Он ввёл в действие и человеческие возможности, начиная от «Хантер-клуба», полтора года лет направлявшего ход мировой истории, и самые современные изобретения «психоволновой» и «хронофизической» человеческой техники, и свои собственные, позволявшие свободно манипулировать межвременными и межпространственными границами. Он открыл людям, которых счёл «подходящими», тайну «бокового времени» (внушив эту идею Маштакову), но они воспользовались ею совсем не так, как он рассчитывал. А рассчитывал он на то, что Катранджи, увлечённый идеей получить в своё распоряжение полностью свободную от населения Землю, освободит от своего присутствия и присутствия своей организации целую реальность, чем значительно понизит геополитическую и хронофизическую связность всего Узла Сети.

Затем он направил в параллельную Россию жестоких и отлично вооружённых боевиков с ГИП, чтобы они убили Императора и захватили власть для последующей передачи назначенцу Арчибалда, но и тут ничего не получилось. Его всё время опережали, то на шаг, то на два.

В конце концов происходящее (особенно попытка некоторых из присутствующих устроить объединение двух абсолютно несовместимых России) привело Арчибалда в бешенство (своё собственное, с человеческим ничего общего не имеющее). Он решил поставить точку.

Как Господь Бог – ликвидировать мешающее ему человечество в двух *лишних* реальностях путём чего-то похожего на Всемирный потоп. На ином, разумеется, технологическом уровне. Кого назначить на роль Ноя, он не успел определиться. Вмешалось что-то ещё!

– Ты хочешь сказать, что инцидент с «Гебеном» в Царьграде и следующая попытка нашего уничтожения «молнией» исходят не от тебя? – приподняла тонко очерченную бровь Сильвия.

– Именно это я вам и говорю! Я никогда не поднял бы руку на своих друзей, людей, бывших гостями Замка и столь многому меня научивших. Всё, что я себе позволил – лишь показать вам всем собственную способность управлять мировыми процессами, причём уже после того, как вы приняли моё предложение заняться более интересными и безопасными делами за пределами *расползающейся* ткани Бытия. То, что я решил совершить в первой и второй реальностях, никак не затрагивало ваших интересов и должно было спасти то, что ещё возможно спасти.

– Реинкарнация британского неокOLONиализма как способ спасения России, – насмешливо загнул длинный костлявый палец Удолин. – Оригинально. Уничтожение всего, что дорого твоим «друзьям» как метод объяснить им степень твоего уважения. Если им нечего будет больше любить, придётся любить тебя. Прелестно. Но, увы, дражайший, настолько не ново, что просто скучно.

Он протянул вперёд кулак с загнутыми четырьмя пальцами.

– Разрешаю тебе загнуть пятый, – очень жёстким, даже беспощадным голосом, каким, наверное, разговаривал Ашурбанипал со своими клеветами, сказал Константин Васильевич. – Что за неожиданный шаг, способный рассеять все наши сомнения, ты придумал? Впрочем, лучше оставь нас в покое до утра, мы все очень устали, и сам разберись, что же за неведомая сила вмешалась в твои гениально-безупречные планы? А главное – зачем? От кого ты нас спас, и что мы будем делать дальше? Надеюсь – вместе. Ибо глупо и бессмысленно продолжать спор о курице и яйце, когда неведомый враг выламывает двери твоего дома...

Удолин сказал всё, чтобы перегрузить оппонента «Белым шумом». Не так много труда это составило тому, кто опроверг *силлогистику* Аристотеля задолго до того, как тот её создал.

Неизвестно, сколько триллионов рефлекторных связей задействовал Замок, чтобы Арчибалд – его *эффeктор* — сумел прекратить этот *симпозион* и распрощаться с гостями самым милейшим, в его понимании, и взаимоприятным (как ему казалось) образом.

Глава двадцатая

– Знаешь, Михаил, – вдруг придержала за локоть Басманова Сильвия, когда они вышли из каминного зала, в которым перед ними вещал, изображая из себя нового «Властелина мира», Арчибальд, – мне нужно с тобой серьёзно поговорить.

– О чём? – сделал вид, что удивился, Басманов. – Как власть в отряде делить будем? Тебя это волнует? – Он вдруг впервые обратился к ней на «ты», а раньше положение и возраст будто бы мешали.

– Волнует, – тихо и спокойно ответила она, чтобы не услышали шедшие впереди Катранджи, Уваров и профессор, говорившие о своём. – Сейчас расходимся по своим комнатам, через полчасика выйди на лестничную площадку.

Тон у леди Си был такой, что спорить не хотелось, да и нужды не было. В любом случае – она для него «старшая сестра». А в «Братстве», как в нормальной *биологической* семье, случиться в личных отношениях может всякое, но младший брат старшим всё равно не станет. Это вам не армия, где иногда лейтенант (в понятиях Басманова – поручик) обгоняет полковника.

А вдобавок Сильвия очень легко, одновременно нежно и уверенно коснулась пальцами его ладони.

Басманов переоделся в так и не ставшие ему по-настоящему привычными джинсы и майку с короткими рукавами, открывающими руки, в *недружественные* объятия которых мало кому хотелось бы попасть. Полковник с первого дня в отряде рейнджеров на «Валгалле» понял, что теперь спортом заниматься надо без дураков(иначе просто не выдержишь сержантской муштры), в назначенное время вышел из комнаты. Свой любимый с германской войны «парабеллум» на всякий случай сунул сзади под ремень. Не помешает, пусть просто как атрибут офицерского достоинства. Сильвия появилась через минуту. Точная женщина. Она была одета легкомысленно. Возможно, чтобы дезориентировать того (или тех), кто за ними вздумает наблюдать. Очень открытый сарафанчик, в вырезе которого вольно покачивалась нестеснённая галантерейным изделием грудь. Басманов, несмотря на совсем другой настрой, слегка удивился. Сколько он знал леди Спенсер, она всегда одевалась достаточно строго, и эта часть её тела специального внимания не привлекала, ему как-то не приходило в голову задумываться, что именно скрывается у неё под жакетом или платьем. Полковник вообще всякой ерундой интересовался не слишком, имел слабое представление о «размерах», не мог в отличие от приятелей навскидку отличить третий размер от четвёртого. Зато славился на фронтах умением попадать в наблюдаемую цель вторым снарядом, обходясь без классической «вилки»¹⁹. На его взгляд, достаточная компенсация. Дурак, кто, засмотревшись на женские сиськи, иногда крайне эффектные, пропускает нечто более важное. Михаил заметил, что не только груди «мадам» освободила (может, им, женщинам, снять свою «сбрую» так же моментами хочется, как солдату – размотать портянки), но и бёдра у неё выглядят шире обычных. Значит, там пистолетные кобуры, пусть и изготовленные по форме тела. Два пистолета, не меньше, чем «девяносто вторые» «беретты». Или нечто примерно того же размера.

Басманов был человек, умеющий мыслить в любой обстановке и не поддающийся слишком броским *очевидностям*. В боковом кармане юбки Сильвии почти в открытую лежит портсигар. Курящей женщине вполне уместно держать его именно там, раз больше нигде. Любой *понимающий* человек (если Арчибальда можно отнести к таковым) сразу сообразил бы, что владеющей блок-универсалом почти раздетой даме совсем ни к чему таскать под юбкой два

¹⁹ «Вилка» – способ артиллерийской стрельбы, при котором накрытие цели достигается последовательным делением показаний угломера пополам, между исходными «наблюдаемыми знаками разрывов». Есть такое грустное стихотворение: «Недолёт, перелёт, недолёт. По своим артиллерия бьёт».

килограмма стреляющего железа. Значит, она уверена, что Арчибальд и Замок *в целом* не подозревают о функциях её золотой игрушки? Если так – это великолепно! Тогда две «пушки» у бёдер – отвлекающий маневр, очевидное доказательство и её «боеготовности», и безвредности для того, кто обладает *высшими*, на его взгляд, возможностями. Пусть веселится, воображая, что люди всё так же примитивны, раз даже в недрах Замка полагаются на свои примитивные пистолеты, считая их некими амулетами, способными от чего-то спасти.

Она посмотрела на него яркими, до невозможности откровенными и, как показалось наивному полковнику, «старому солдату, не знавшему слов любви», очень добрыми глазами. Ну, действительно, старшая сестра, без всяких посторонних смыслов.

– Сейчас мы немного покатаемся, не спрашивай меня ни о чём, делай то, что я буду показывать только жестами, – шепнула Сильвия на ухо Михаилу во время поцелуя в щёку, так тихо, что и на расстоянии сантиметра он едва услышал. Басманову этого было достаточно. Несколько десятков раз, наверное, Шульгин под настроение заводил ему патефонную пластинку американского певца Дина Рида под названием «Война продолжается». Александру очень нравилась мелодия и слова, и родившемуся полuveком раньше Басманову она в памяти засела. Хорошая военная песня, в строю исполнять можно.

Для него война всегда продолжалась. Но сейчас – в более приятном варианте, чем зябкой, дождливо-снежной весной шестнадцатого года. Вот тогда штабс-капитан Басманов усвоил, что офицерская шинель впитывает в себя до ведра льющейся с неба воды, а самые лучшие сапоги промокают насквозь через два часа.

Сильвия для любого из нескромных наблюдателей, хоть из своего отряда, хоть включённых Арчибальдом, мастерски изображала женщину, охваченную страстью и ни о чём больше не думающую. Разве что решившую, для обострения чувств, предварительно показать любовнику прелести места, где они оказались. Неважно, чьей волей и по какой причине. Радуйся, мол, жизни, пока есть такая возможность, «на том свете не дадут...».

Они заглянули в самый знаменитый среди «братьев» вымышленный и воплощённый Шульгиным бар, с витражами обнажённых наездниц. Басманову «модели» понравились, но сама идея, будто такие красавицы способны получать хоть какое-то удовольствие от строевой посадки (даже для позирования, а не реальной скачки на галопе), в своих эфемерных туалетах или вовсе без них, вызвала у него добродушную, но уничтожающую критику.

– Александра Ивановича я понимаю. Не одну ночь в душещипательных беседах провели. Весь он в этих картинках сублимировался...

Сильвия сначала удивилась чересчур научному слову, не совсем подходящему стилю старинного строевика, потом вспомнила, что он артиллерист, а значит, познаний в химии не чужд.

– Со мной бы посоветовался, я в седле с двенадцати лет. Эту вот фею, – он указал на самый эффектный из витражей, – лучше б в дамское седло посадить. И достовернее вышло бы, и куда соблазнительнее...

Сильвия прикинула и согласилась. Вот тебе и батарейный командир, ничего, кроме кадетского корпуса, училища и шести лет войны, не видевший. Она вспомнила этого же Басманова, только что «завербованного» в Константинополе. Нет, всё правильно – иным он и не мог быть, если из сотни тысяч беженцев Новиков с Шульгиным выбрали именно его. И ни разу не имели оснований усомниться в правильности выбора.

А сколько таких же, ничем не хуже, а может, и лучше поручиков, капитанов и подполковников легли в землю с августа четырнадцатого... Или умерли, спились в эмиграции, не встретив на бульваре чужого города своих Новиковых и Шульгиных...

«Грустно», – подумала Сильвия, неожиданно ощутив, что, может быть, именно в этот момент она полностью сменила самосознание, став уже стопроцентно русской женщиной. Раньше кое-что «спенсерское» в ней оставалось, невзирая на множество ситуаций, где ей при-

ходилось держаться крайне русифицированно. Особенно – живя с Берестиным. Но вот сейчас...

Они пили в основном кофе, который здешняя автоматика готовила просто великолепно и на любой вкус, сопровождая его коньяками и ликёрами, разговаривали на темы, очень далёкие от «злости дня». Не только Арчибалд при своей интеллектуальной тупости, но и вполне проницательный человек непременно поверил бы, что взрослая женщина применяет все свои чары и способности, чтобы соблазнить довольно инертного в сексуальном смысле офицера.

Басманов, как мог, ей подыгрывал. Труда не составляло – партнёрша была хороша сама по себе и в школе Станиславского могла быть лучшей ученицей, а уж ему стыдно вспомнить, как рассеян и неуклюж он был с дамами, последний раз перед февральским переворотом попав с фронта в «приличное» петроградское общество.

Потом вдруг Сильвия указала ему на дверь позади барной стойки. В лучших традициях детektivов они вышли через неё в полутёмный кривой коридорчик, параллельный центральной, ярко освещённой и устланной ковровой дорожкой галерее. В тупике, ничем не примечательном, аггрианка дёрнула Михаила за рукав:

– Нам сюда!

Непонятно, что она сделала, но прямо перед ними вдруг раздвинулись не отличимые от каменной кладки стен двери, засветилась огнями cabina почти обычного лифта.

Несколько минут, как ему показалось, они летели в зеркальной cabине одновременно вверх, вниз, по горизонтали и в других направлениях. Объяснить это трудно, но вестибулярный аппарат реагировал именно так, пусть полковнику и не пришлось крутиться на космонавтских центрифугах и лопингах.

Михаил терпел, хотя несколько раз тошнота подкатывала к самому горлу. Утешало то, что он верил: Сильвия – специалистка высокого класса и за время пребывания в Замке научилась многому, недоступному ни Воронцову, ни Шульгину с Новиковым, пусть они и сумели проникнуть в закрытые для гуманоидов уровни Замка. Просто специализация и система подготовки у них были немного разные, и на одни и те же вещи они смотрели под разными углами.

Она ещё во время их первой (фактически ещё до начала нашей эпопеи) официальной встречи с Антоном, как резидентов и «высоких договаривающихся сторон» в Норвегии, согласилась на пресловутый «Ставангерский пакт»²⁰. Если исходить из принципов хоть аггрианской, хоть форзейлианской политики – они в тот раз и стали предателями. Более того – обрушили всю систему тысячелетних, достаточно удачно сохранявших баланс интересов противостоящих сил на этой планете. С того дня, закрепившего их соглашение «о принципах отношений за пределами предписанных руководством конфронтаций» бессонной ночью в апартаментах отеля «Густав Ваза», всё и посыпалось. Нельзя, оказывается, даже из «лучших соображений» выдёргивать хоть один камешек из фундамента на песке построенного здания.

И потом, уже в Замке, она, деморализованная проигрышем каким-то крайне примитивным, пусть и дико агрессивным молодым парням, регулярно проводила время в постели Антона. Эти забавы её не унижали и ни к чему не обязывали. Зато позволили вытащить из его раскрывавшегося на пике страсти подсознания много полезных подробностей и фактов.

Отчего и использовали в своих операциях аггры исключительно женщин, оставляя «примитивным существам» роль исполнителей или, в крайнем случае, подконтрольных «старшим» координаторов. Как того же Лихарева или Георгия.

Наконец утомительный полёт закончился, дверь открылась, они вышли на узкую, окрашенную неприятной синей краской площадку «чёрной лестницы» обычного петроградского

²⁰ См. роман «Одиссей покидает Итаку».

дома. Только при «настоящей» жизни Басманова и эти лестницы содержались в порядке, а здесь словно стадо плохо воспитанных обезьян повеселилось. Деревянные накладки с перил сорваны, железные стойки погнуты, будто их пытались сломать или вырвать с корнем, да силы не хватило. Стены исписаны, где гвоздями глубиной на сантиметр, где краской – примитивными матерными словами. Ступеньки в грязи, перемешанной с окурками.

Бывало, видел он такое, попадая в освобождённые от «красных» города. Везде одно и то же, будто существа, некогда вынужденные выглядеть и называться «людьми», превратившись в «пролетариев», облегчённо возвращались к своей истинной сущности.

– Михаил, – сказала Сильвия, запирая за ними дверь на тяжёлый засов, – теперь можно говорить и держаться свободно. Я вижу, как ты натянута.

– Миледи, – ответил Басманов, вынимая из кармана папиросную коробку, – вот об этом – не надо. Тебе смысл подобных слов просто непонятен. Когда у тебя два снаряда остаётся, на боку шашка и «наган», а немцев вокруг полсотни – тогда «натянешься». А шлаться с красивой женщиной по кабакам в сухих сапогах – штатским просто не понять, насколько это расслабляет, а не «напрягает».

– Хорошо, Михаил, я поняла, не обижайся...

Она наскоро объяснила ему сущность места, где они оказались. В той самой, придуманной Шульгиным, «советской коммуналке», куда сам Замок всеми своими силами не мог проникнуть и в то же время закрыть в него доступ «посвящённым». Сашка тогда подловил почти всемогущее «явление» (а как ещё назвать этот самый Замок, почти как Вселенная, бесконечный и неописуемый) на древней, как мир, апории. «Может ли всемогущий Бог создать камень, который сам не сможет поднять?» Именно это и получилось.

Басманов в Замке побывал именно тогда, когда решался вопрос о южноафриканской экспедиции. Пробыл очень недолго. Сюда ему зайти не случилось. Он стоял, озираясь на грязные стены и заросший паутиной четырёхметровой высоты потолок, несколько газовых плит и кухонных столов, принадлежавших нескольким хозяйкам живших здесь семей.

– Посмотри вон в том стенном шкафчике, – сказала Сильвия.

Он подошёл, открыл, увидел там будто век его дожидавшуюся бутылку «Московской» водки с красной сургучной головкой. Бывшая британская аристократка в это время открыла холодильник «ЗИС», специально для советских коммунальных кухонь придуманный, с замком на дверной ручке, но сейчас незапертый. Нашла там солидный кусок почти свежего сыра. А в остальном: «Зима, пустынная зима». Да им ничего больше и не требовалось, поужинали они достаточно плотно. Разве что горелку под чайником зажечь. Индийский чай «со слоником», для разговора, голландский сыр, ну и та самая «Московская».

С полчаса Басманов с Сильвией сидели и говорили совсем спокойно. Не хотелось им задевать ни одной темы, способной нарушить хрупкое равновесие отношений. Говорили просто так, старшая сестра с братом, о жизни прошлой и будущей, о каких-то интересных событиях, ну, само собой, о личной жизни.

– Я тебе, Миша, очень советую закончить свою «вольную жизнь». Тридцать два тебе, правильно? – тихо и назидательно спросила аггрианка.

– Тридцать три скоро, – грустно ответил Басманов, будто этот возраст действительно имел для него какой-нибудь смысл.

– Вот и хватит. Марина на тебя обратила внимание?

Полковник будто бы слегка смутился. Не понять, чего вдруг?

– А ты на неё?

Басманов молча согласился.

– Чего же тебе ещё? У моих девушек присутствует нечто вроде импринтинга. От чего он зависит – я не знаю. Верещагина почти год прожила в человеческом мире, послужила в спец-

назе, мужчин видела достаточно. И – ничего! Тут вдруг увидела тебя – и что-то ощутила! Не узнать девчонки. Логически это необъяснимо: и «братья» Ляховы, и Уваров, и многие другие её ничем не привлекли. Мужчины с московских улиц – тем более. И тут увидела тебя! Наверное, Дайяна их так и программировала – если её девушки захотят влюбиться, так уж в самых лучших, наиболее им подходящих. Ты ей показался лучше всех, увиденных за год. Так уж ты постарайся, Миша, не обмануть её надежд. Если она тебе хоть немного нравится.

– Красивее девушки я не видел, – почти выдохнул Басманов.

– Отчего так? – спросила Сильвия, разливая по стаканам советскую водку. – Ты пятерых сразу увидел. Чем Людмила хуже, Маша, Кристина?

– Что ты хочешь, леди Си? Объяснить необъяснимое? Как будто ты из ста мужчин не выбирала одного...

– Тут совсем другая тема, – ответила Сильвия. – Обо мне говорить не будем. Но вчера ты эту девушку не видел и ничего подобного не думал. Потом перед тобой возникли сразу пять, среди которых даже я не взялась бы выбрать лучшую. А ты – выбрал. Почему? Она на тебя первая посмотрела «нужным» взглядом, или ты ощутил «родство душ»?

– Не терзай ты меня, я сам ничего не понимаю. Завтра мы с ней снова увидимся, тогда, может быть, что-то прояснится...

В третьей по счёту от кухни комнате, обставленной как настоящая спальня, с очень широкой кроватью и абсолютно свежим бельём (крахмалом пахло и морозной свежестью, будто вправду его на зимней улице сушили), Сильвия сказала:

– Завтра ты, Михаил, сделаешь всё, чтобы стать для девочки Марины лучшим и единственным.

– Завтра? – как-то очень безразлично спросил Басманов, глядя, как Сильвия, погасив верхние люстры и включив слабенький торшер в углу, стянула через голову сарафан, слегка растрепав причёску. Под ним у неё действительно были подвешены к широкому, усиленному кевларовой лентой кружевному поясу и ещё ремешками вокруг бёдер, на манер подвязок, пистолетные кобуры. Она их сняла вместе с поясом, бросила на прикроватную тумбочку. Теперь на леди Спенсер остались только трусики, абсолютно символические. Офицеру было даже и непонятно, для чего *такое* носить? Ни от чего не защищают, всё через них просвечивает и проступает. Давно, впрочем, известное.

Но груди у Сильвии и впрямь были хороши. Тугие, круглые, с розовыми, чуть больше вишнёвых косточек сосками. Не у каждой двадцатилетней такие увидишь. Гомеостат, однако, подумал Михаил, даст бог, с ним и я в сто буду не хуже неё выглядеть. Мысль сама по себе дикая. Сказал бы кто-нибудь человеку, который своё двадцатишестилетие встречал на склоне дороги, ведущей от хутора Верхнебаканского к Новороссийску, что через какое-то время он будет всерьёз размышлять, в какой физической форме отметит вековой юбилей. Тут не знаешь, доживёшь ли до вечера...

Лил бесконечный трёхдневный дождь, снарядов оставалось два десятка на всю батарею. Басманов страшно удивился, когда вахмистр затряс его за плечо в тесной мазанке на окраине хутора и протянул кружку местного вина:

– Господин капитан, с днём рождения!

Басманов медленно сообразил, что так оно и есть. На душе стало ещё более погано.

– А ты откуда знаешь, Пилипенко?

– Так, господин капитан! Мы ж люди православные! Помирать будем, а день рождения и день ангела – святое ведь!

– Спасибо, Пилипенко, – с дрожью в голосе ответил Басманов, половину кружки отпил, вторую протянул вахмистру. – Чтоб я тебя так угостил в твой... Следующий.

– Ваши б слова да богу в уши, господин капитан. А сейчас как? Расстреляем все снаряды, бросим пушки и в Новороссийск через горы? Или станем насмерть? Я там позицию приметил, на повороте дороги. Не спеша да шрапнелью – сотни две выкосим...

И снаряды правильно расстреляли, ни одна картечь мимо не прошла, и почти всю батарею (а вдруг где-то снарядами удастся разжиться) Басманов с Пилипенко вывели к порту. В общей панике полсотни человек с оружием, до последнего верившие своему командиру, медленно, но упорно прошли через ревущую толпу, раздвинув её безразличным к буре чужих эмоций, ошетинившимся штыками строем. Морякам и дроздовцам, сцепившим руки перед трапом, капитан показал свой «парабеллум».

– Восемь выстрелов в вас, а дальше моя батарея – вон она, на том холмике, открывает шквальный огонь по палубе и мостикам. Согласны? Ненавижу тыловую сволочь! Нам так и так помирать, но и вам жить не получится...

– Проходите, господин капитан, – приказал разомкнуться заграждению поручик с исковерканным шрамом лицом, – я вас помню. Екатеринослав?

– Был и Екатеринослав, был Ставрополь, Армавир, Кавказская. Вас не помню, извините...

... Разоблачившаяся до предпоследнего предела аггрианка села на край постели, опершись на руки и вытянула ноги до середины коврика, чересчур, на взгляд полковника, вызывающе. Всякое он видел, но не стоит же – вот так.

– Зачем это, Сильвия? – спросил Басманов. – Ты же сказала – с Мариной...

– Затем, что я не уверена, что мы доживём до завтрашнего утра. И я хотела бы провести эту ночь с тобой. А с Верецагиной ты начнёшь с чистого листа...

– Зачем? – повторил Михаил. – И мне ничего не прибавит, тебе – тем более. – Он действительно с молодых лет не понимал, зачем девушкам и женщинам – **это**. Ну, женщинам – ладно. Так принято. А девушкам? Чего ради рисковать всем из-за полного пустяка? – Мало у тебя мужчин было?

– Наверняка больше ста, – быстро посчитала в уме Сильвия. С её мозгами могла бы назвать точнее, но не захотела. – А у тебя женщин? – спросила она навстречу.

– Не знаю. Не считал. Были и были. Временами. А не любил и не хотел всерьёз ни одну. Ни лиц, ни имён не помню.

– Несчастный. – Сильвия встала, провела ладонью по его щеке. – Давай сегодня я стану для тебя первой, единственной, только, упаси бог, не последней...

– Крайней, – снова без всяких эмоций ответил Басманов.

– Да что же ты за человек такой? – Сильвия обняла его за плечи, прижалась грудью, начала горячо целовать в губы, расстегнула пряжку ремня. Пистолет тяжело упал на ковёр.

– Ты всех наших парней уже переимела? – спросил полковник, отстраняясь. Отошёл к окну и закурил бог знает какой уже раз.

– Тебя это так волнует? – Сильвия начала заводиться. – Так запомни, запиши – никого! С Берестиным как начала жить в двадцатом, так и живу. Никого! Они все до отвращения моногамны. А сейчас тебя хочу. Ты ведь до завтра совсем свободен. Завтра сумеешь полюбить Марину – ваше счастье. Свадебный подарок сделаю такой, что и вообразить не сможете. А сейчас, ну, почувствуй, Миша... Очень, очень плохое, непонятное нас ждёт. Что ты с «трёхлинейкой» можешь стрелять до конца – я верю и знаю. Так ведь пять патронов – и всё? Все наши блок-универсалы – аналог того же самого, если за нас возьмутся всерьёз...

Очень сейчас грустна и печальна была женщина, обладающая телом, способным привести в иступление и в изумление почти любого мужчину. Но вот обычного капитана Гвардейской конной артиллерии – почему-то нет.

– Поверь, Миша, перед смертью очень меня на это тянет. Так если можешь и хочешь – помоги...

Она, стоя и пряча глаза, медленно стянула паутинно-кружевное нечто, просто обозначавшее границу того, что по правилам приличий следует прикрывать. Легла на кровать, заложив руки за голову.

– Иди ко мне, полковник, или к е... матери. На твой выбор. Чтобы тебе стало совсем понятно – по неизвестной причине мне достался интересный генетический или гормональный код. Мужского типа. Так же, как и вы, я, увидев понравившегося мне... партнёра, немедленно испытываю желание ему отдаться, или – им обладать, что вернее. Так же, как и вы, я умею скрывать и сдерживать своё желание, но до определённого предела, и совсем недолго. Ты понимаешь, о чём я?

Басманов щелчком с ногтя выбросил окурок далеко в форточку, но неизвестно куда. Возможно, на Никитский бульвар начала двадцатого века.

Ему потребовалось определённое усилие, чтобы отвлечься от того, что он знал о Сильвии. И её настоящий возраст, и инопланетную должность, и подчёркнуто вызывающее поведение «старшей сестры» на тех собраниях «Братства», где ему приходилось присутствовать. Если Ларису он считал просто стервой, но «своей» стервой, с которой возможны «простые дружеские отношения», то Сильвия была уж чересчур надменна. Даже великие княжны, дочери Николая Второго, вместе со своей державной мамашей не брезговали работать сёстрами милосердия в госпитале для рядовых солдат. Представить в этой роли леди Спенсер было невозможно.

Теперь она предложила себя почти безэмоционально. Сочтя нужным объяснить при этом. И Михаилу *это* неожиданно понравилось. Если бы она начала изображать неземную страсть или соблазнять подобием западноевропейского стриптиза, полковник наверняка бы выбрал второй из предложенных ею вариантов.

А так очень даже всё ясно и понятно. Они – два боевых товарища, старшие по команде в своём отряде. Война продолжается. Что случится завтра утром или через полчаса – никто не знает. И если одному из друзей захочется закурить – другой отсыплет табачку, если найдётся. Из заветной фляжки нальёт. Ну, «товарищу» захотелось другого. Пока и это в наших силах.

Басманов выключил последнюю лампочку, разделся и лёг рядом с женщиной. Она подвинулась ближе, натянула до плеч лёгкое одеяло. Из окна ощутимо задувало прохладным ветерком.

– Хочешь, поговорим о чём-нибудь совсем постороннем? – шепнула Сильвия.

Он молча качнул головой. О чём говорить?

– Ты очень суровый мужчина. – Аггрианке говорить хотелось неудержимо, будто до этого она (как и Антон) провела несколько лет в одиночке. Она взяла его руку и положила себе на грудь. – Я думала, мой Алексей зажатый и молчаливый потому, что Ирину до сих пор любит, это я понять могу. А ты? Тридцать два года – сам сказал, что «ничем не озабочен», тебе вешается на шею одна из самых красивых женщин, которых ты в жизни видел...

Она специально это произнесла, ожидая реакции. Удивительно, что, даже заглянув за рубеж третьего века своей жизни, Сильвия не утратила влечения к комплиментам и более весомым знакам внимания. Наверное, правильна идея, Хайнлайном, что ли, высказанная, что даже четырёхсотлетняя женщина, сохраняющая тридцатилетнее тело, поступает по воле тела и гормонов, а не разума.

Зачем вообще женщине разум – это отдельный вопрос, рассмотренный тем же Хайнлайном.

– Знаешь, Си, – спокойно сказал Басманов, хотя его ладонь уже соскользнула намного ниже груди, – налей-ка нам грамм по сто, или полтора ста лучше, водки или коньяку...

– Сейчас, мой повелитель! – Сильвия отбросила одеяло, в темноте, видя, как кошка, нашла нужные бутылки, налила себе и полковнику, с двумя стаканами в руках присела на его край постели, подала прямо в раскрытую ладонь.

– Выпьем, дорогой. Выпьем здесь и выпьем тут, на том свете не дадут... Так у вас и у меня теперь тоже, в *нашей* России, говорить принято?

Басманов, естественно, выпил, потом нашарил на тумбочке сигаретную пачку.

– Из моего портсигарчика закурить не хочешь? – плывущим русалочьим голосом спросила Сильвия. Глаза её, несмотря на полную темноту в комнате, отблёскивали сернистыми (по цвету, только по цвету) искрами.

– Был бы толк, – туманно ответил он, подразумевая в её словах очередной посторонний смысл. А его и не было, она всего лишь имела в виду, что сигареты у неё гораздо лучше, чем у Михаила.

Басманов не знал, какими способами и приёмами владеет Сильвия, но догадываться мог. Не бином Ньютона, как говорится. Но на этот раз Сильвия вела себя на удивление сдержанно. Ещё точнее – прилично. Почти как любящая жена, занимающаяся привычным делом без сумасшедшей страсти, но так, чтобы и ей, и мужу было хорошо.

Обнимала его, целовала, шептала неразборчивые слова, возможно, и не по-русски, прижималась всем телом, но без малейших намёков не только на агрессию, но и на инициативу.

Только подставляла ему для поцелуев то одну, то другую грудь. В нужный момент повернулась на спину.

– Спасибо. Молодец, – сказала она, успокоив дыхание, встала и подошла к окну, как недавно Басманов, даже в полумраке отсвечивая своим мраморным телом. Повернулась лицом, опершись руками о подоконник. – Теперь можно и о деле поговорить. А дело у нас не слишком весёлое. Одна есть у меня надежда... Пойдём...

Ничего на себя не накинув, во всей обнажённой прелести, повела Михаила в другие комнаты. Работала точно и правильно, как сыщик на обыске. Не прошло и пятнадцати минут, как она, перейдя из гостиной в кабинет, раскрыла боковую дверцу забитого книгами шкафа.

– Вот оно, кажется, – облегчённо выдохнула Сильвия.

Басманов знал, что в будущих временах такая штука, похожая на плоский чемоданчик для целевых пистолетов или транспортировки бриллиантов, называется «ноутбуком». Даже научился пользоваться в основном как энциклопедическим справочником или портативной пишущей машинкой. Да большего ему и не требовалось.

Этот, правда, выглядел не совсем обычно. Когда Сильвия откинула крышку, под ней оказались несколько десятков «лишних» клавиш, кнопок, светящихся окошечек с совсем незнакомыми знаками и символами.

– Это я и искала, – сказала агтрианка, похожая сейчас на добрую ведьму из неизвестной сказки. – Когда Скуратов с Антоном отсюда убегали, академик не успел прихватить один из ноутбуков – времени и рук не хватило. А как раз на нём он фиксировал все свои разработки по психоматрице Замка, с точки зрения единственного, случайно оказавшегося в *нашем* мире, увенчанного Нобелевской премией специалиста по машинным логикам и этологии²¹ негуманоидных цивилизаций. Я пока не знаю, что мы отсюда сможем почерпнуть полезного в нашем нынешнем положении, но Левашов мне говорил, как он сожалеет, что эта штука осталась здесь. Олег думал – навсегда. А мы вот с тобой её нашли.

Сильвия вновь обняла полковника за шею, легко коснулась губами его щеки. Сейчас они напоминали аллегорическую картину какого-нибудь гениального классициста XVIII века.

²¹ *Этология* – вообще наука о поведении любых живых существ. Скуратов значительно расширил её границы, добавив к инстинктивным и культурологические реакции.

«Пенелопа провожает Одиссея на Троянскую войну после получения повестки из афинского горвоенкомата». Только фиговые листики художник не успел изобразить.

– Пойдём слегка приоденемся, – сказал Басманов, – и ты всё объяснишь, чтобы я понял.

Офицер не мог чувствовать себя нормально хотя бы без бязевых подштанников. Если он, конечно, не в бане. Аггрианке было всё равно, но из уважения к его предрассудкам она нашла в ванной подходящие им по размеру махровые халаты.

Они устроились в спальне за журнальным столиком в очерченном лампой торшера круге света, и Сильвия, как могла, объяснила математически подкованному артиллеристу, в чём суть дела.

Левашов, безусловно, гениальный инженер-самоучка, вроде Эдисона, но слаб в теории. Особенно – в теории «несуществующего». Он, как затерявшийся в глубине времён предок, впервые сообразивший, что сочетание кремня и подходящей железки не только даёт человечеству неограниченные возможности добывания огня в любой обстановке, но через тысячи лет приведёт к созданию основанных на том же принципе пистолетов и ружей, никогда бы не сумел описать своё изобретение в патентной заявке. И так далее, и так далее, и так далее... Вплоть до СПВ и дубликатора, об истинных принципах функционирования которых Олег не догадывался, примерно так, как не представляли содержания многотомных книг по аэродинамике создатели первых самолётов. Да и строители средневековых соборов институтский курс сопромата не сдавали.

– А господин Скуратов, на наше счастье, оказался именно теоретиком. Высшего класса сам по себе, так ещё и проживший жизнь в мире, где люди захотели и научились летать к звёздам. Просто захотели, ты понимаешь, Миша?!

– Захотели, и что? – отстранился Басманов. – Мы вот захотели летать на самолётах – и тоже стали. На Луне, говорят, побывали, а чем звёзды отличаются? Немного дальше, всего лишь. «Вулюар се пувуар», как любит выражаться Андрей Дмитриевич. «Хотеть – значит мочь».

– Он прав, кто будет спорить, – согласилась Сильвия, откинувшись на спинку стула. – На той планете, расе которой я раньше служила, и на множестве других с развитыми цивилизациями летать к звёздам через пространство, на космических кораблях, так и не научились. Разного рода межпространственные переходы – да, но не звездолёты. А это, знаешь, такая разница... – Лицо её вдруг стало мечтательным. – Как между путешествием из Европы в Южную Америку в запечатанном отсеке баллистической ракеты, или туда же – на парусной яхте. Но я не об этом, – она снова посерьёзнела. – У тех людей мозги как-то по-другому устроены, мотивации иные, сам способ мышления. Вот Скуратов и сумел вплотную подойти к решению вопроса, как снова превратить Замок в послушный механизм, без всякой «самоидентификации» и «свободы воли».

– И ты сумеешь в его формулах разобраться? – удивился Басманов. – Он сам не успел, а ты сделаешь?

– Постараюсь. Я, само собой, не математический гений, но память у меня абсолютная, да и блок-универсал поможет. Не мешай мне полчаса – вдруг да и получится... Основной алгоритм я представляю.

Полковник отправился бродить по квартире, изучая её содержимое. Вернулся в кабинет, походил вдоль книжных полок, почти машинально скользя по ним глазами. Среди множества золочёных корешков старых книг и переплетённых литературных журналов начала XX века вдруг обнаружил трёхтомник «История военного искусства» профессора Строкова, изданный в СССР в тысяча девятьсот семьдесят третьем году. Как книга здесь оказалась, гадать было бессмысленно, по рассказам Воронцова и Шульгина Михаил знал, что Замок с самого начала мог *подслушать* гостя любой предмет, исходя из собственных соображений или руководствуясь

его тайными или явными желаниями. Но Басманов сейчас о военной истории точно не задумывался, так что книга, скорее всего, осталась здесь от кого-то из предыдущих посетителей.

Однако ему стало интересно, он пролистал оглавление третьего тома и раскрыл страницы с описанием Восточно-Прусской операции девятьсот четырнадцатого года. Захотелось вспомнить, а заодно и посмотреть, как знакомые события описал большевистский историк.

Тихо прошёл на кухню, сел за стол с недопитой бутылкой и пепельницей, закурил – и зачитался. Этот самый профессор, доктор военных наук и полковник А. А. Строков оказался вполне приличным человеком, демонстрировавшим знание предмета и полное сочувствие к старой российской армии.

Он оторвался от книги, только когда Сильвия его окликнула.

– Чем это ты так увлёкся? – Михаил поднял глаза. Пояс на халате она не завязала, скорее всего – без всякого умысла. Леди Спенсер, как древнеримская матрона, не считала нужным, за исключением общественных мест, скрывать свою наготу.

Басманов показал ей обложку книги:

– Молодость вспоминаю. И грустно, и светло...

– А я оказалась даже способнее, чем сама предполагала. – Она присела по другую сторону стола. – Мой успех стоит отметить. Займись...

Заниматься было особенно нечем, разве что сходить на кухню, заварить по чашке «Кофе молотого с цикорием» из круглой коричневой банки с обозначенной ценой – «87 коп.» и местом производства: «Чаеразвесочная фабрика, г. Рязань». Просто, без всяких буржуазных изысков.

Сильвия рассказала, как сумела разыскать около десятка незаконченных, но достаточно полных блоков информации, в которых Скуратов с нескольких направлений подходил к проблеме функционирования подобных Арчибальду псевдомыслящих структур. Кое в чём эта проблема соприкасалась с давними разработками Виктора о возможности и необходимости внедрения элементов «свободы воли» в суперкомпьютеры, управляющие земными звездолётами. За что, в конце концов, тридцатилетний академик и получил свою Нобелевскую премию. Когда появились хроноквантовые двигатели, способные переносить корабли через сотни парсеков пространства, преобразуя его во время и наоборот, быстро выяснилось, что возможности человеческого мозга упёрлись в очередной «непреодолимый» барьер. Массив подлежащей переработке и осмыслению оперативной информации, необходимой для прокладки курсов и соотнесения пространственных и временных координат звездолётов, заведомо превосходил быстроедействие даже *крюгеритовых* вычислительных машин. Оставалась обычная для человечества альтернатива – отказаться от космических полётов неограниченного радиуса или придумать что-нибудь ранее небывалое!

В своё время с похожей проблемой столкнулись первые межконтинентальные мореплаватели. И даже на интеллектуальном уровне XVI века довольно быстро её решили, сообразив, что совместное использование точного (по тем временам) хронометра и секстана позволяет определять своё место с погрешностью до нескольких миль. Почти одновременно подоспел Меркатор с его картографической проекцией, и дело пошло.

Почти то же самое, но с поправкой на пять веков придумал Скуратов. Электронный мозг с разработанными Виктором программами и алгоритмами научился так же легко (можно сказать – подсознательно) ориентироваться в межзвёздном и даже межгалактическом пространстве, как обычный штурманский лейтенант в открытом море.

Сильвии помог блок-универсал, настроенный по совету Левашова на не совсем обычные для него режимы, и она привела к законченному виду несколько формул, получив нечто вроде тех кодов, которыми пользуются ленивые любители компьютерных «беголок и стрелялок»: приходишь к финальной точке маршрута, не затрудняясь преодолением промежуточных этапов.

– Так почему же сам Скуратов с Антоном этим не воспользовались? Ведь еле-еле выбрались отсюда, самым рискованным и грубым образом? – удивился Михаил, для которого почти все «научные» слова леди Си оставались чем-то вроде нудной церковной службы, которую приходилось выстаивать в кадетские и юнкерские годы. Что-то батюшка бубнит, помахивая кадилом, вроде как правильное и полезное, но в итоге – отстоял, выскочил на свежий воздух и забыл.

– Так именно потому, что не успели, – терпеливо пояснила Сильвия. – К идее Скуратов подошёл, а сформулировать работающую формулу, может, часа не хватило... Бывает?

С этим полковник не мог не согласиться. Случалось, пяти минут не доставало, чтобы превратить поражение в победу.

– Зато мы с тобой сейчас можем этого *монстра* больше не опасаться. Мне бы до Шара добраться, тогда он у меня на задних лапах плясать будет, как медведь в цирке. А блоком я его только припугну как следует. И то дело...

До Шара, целых пяти шаров, принадлежавших девушкам, оставленных в сейфе их комнат на острове, в ближайшее время добраться было столь же проблематично, как до Луны пешком. Зато Сильвия могла ввести в действие шесть блок-универсалов, отсечь все связи Арчибальда с основной, «формообразующей» сутью Замка и, скорее всего, заставить выполнять прямые команды, как и любого робота низшего уровня. Это, конечно, пока только «эскизный проект» доступной им тактики, так ничего лучшего всё равно нет.

– Рад за тебя. За всех нас, – облегчённо выдохнув, сказал Басманов. Если леди ручается – в любом случае это вернее, чем полагаться на верный «ноль-восьмой Борхарт-Люгер». С ним тоже сколько-то поживёшь, но очень недолго.

– Теперь что – к себе возвращаемся?

– А до утра ты со мной задержаться не хочешь? – насмешливо спросила Сильвия, выпрямив спину, отчего груди вызывающе приподнялись.

– Если тебе хочется – пожалуйста. Я ведь в целях уяснения диспозиции спросил. Что там сейчас без нас происходит? Замок ведь ещё не знает о твоём открытии. Мы с тобой, как-никак, командиры. А это, знаешь ли, кое-какую ответственность налагает...

– Приятно сознавать, что ещё остались люди, для которых чувство долга выше собственных страстей. – Она произнесла это вроде бы искренне, но Басманов почувствовал, что Сильвия всё же сочла себя задетой. Женщины вообще непонятные существа, Михаил временами удивлялся – неужели они вправду принадлежат к одному биологическому виду? Взять хотя бы данный случай. Если бы он вдруг начал намекать замужней даме, что не прочь увлечь её в постель, а она тактично отказала – где тут повод для обиды? В противоположной ситуации вполне можно нажать себе в лице нарвавшейся на отказ особы смертельного врага.

– Тогда я сейчас оденусь, и пойдём...

«Нет, кажется, сильно она не расстроилась», – с облегчением подумал полковник.

Удолин, уединившись в своих комнатах, попытался через мало кому известные уровни астрала связаться со своими коллегами-магами. Он представлял, как они сейчас обеспокоены его внезапным исчезновением и наверняка тоже стараются уловить его ментальные следы.

Увы, поставленный Замком или кем-то более могущественным блок оказался непреодолим. Как научная проблема это было даже интересно, стоило бы сосредоточиться и поискать *обходные пути*, но профессор здраво оценил положение. Не стоит раньше времени раскрывать карты, возможно, у противника против твоего каре чистый флеш-рояль. И вместо астрала со всеми его производными залетишь в такую задницу, что до исхода века не выберешься.

Ему пришла в голову другая мысль. Очень возможно, что Арчибальд сегодня ночью примет некие действия. Зачем ему тянуть? Всё, что он хотел сказать – сказано, его «друзья и партнёры» сейчас находятся в самом подходящем психологическом состоянии. Одновременно

и деморализованы, и несколько успокоены, примерно как человек, уставший ждать ареста и наконец арестованный. Завтра они опять соберутся с силами и будут готовы противостоять новым обстоятельствам, и любой опытный инквизитор это великолепно понимает. Константин Васильевич имел в этих делах обширный опыт и с той, и с другой стороны.

Второй вопрос – кого Замок считает в их команде «слабым звеном» или, иначе, кто ему представляется самым перспективным объектом воздействия?

За себя Удолин не опасался, если Арчибальд и решит заняться им, то в самую последнюю очередь. То же относится и к Сильвии. Офицеров и девушек вообще можно вынести за скобки, они для Замка – почти что роботы, обслуживающий персонал. Значит – Катранджи! Насколько маг *чувствовал* расклад, Замок именно его воспринял как ключевую фигуру новой партии. Так оно, в общем, и есть. Военный, политический и финансовый лидер большей части «третьего мира»²² второй реальности. Вождь «Чёрного интернационала», способного сыграть решающую роль в затеянной Арчибальдом игре, в зависимости от того, на чью сторону он встанет. Вокруг турка закручивается нешуточная интрига, его зачем-то доставили из двадцать первого века одной реальности в самое начало двадцатого другой. Под мощной охраной. Шутка ли – команда магов-некромантов, сильнейшая на Земле агтрианка и пятеро её помощниц.

При этом Арчибальд не может не воспринимать агтрианок как «исторических врагов», весь смысл деятельности Антона (так или иначе, но хозяина, бывшего или по-прежнему настоящего) заключался именно в противостоянии этой расе.

Следовательно, предположил Удолин, в ближайшие часы, если не минуты, должна начаться психическая (пока – только психическая) атака именно против Ибрагима. Для того чтобы начать с ним деловой, «человеческий» разговор, Арчибальд обязательно постарается его предварительно деморализовать. Ну так и мы не лыком шиты, ядовито усмехнулся профессор.

Без «стратегических резервов» он своего существования не мыслил, поэтому сунул в боковой карман пиджака одну из прихваченных в любимом баре бутылок и решительным шагом пересёк коридор.

Катранджи отозвался на стук в дверь не сразу. Душ он, видите ли, принимал. Отпер, в банном халате, с мокрыми волосами, держа в руках полотенце. Хорошо хоть без пистолета. Поверил, значит, в свою относительную, как всё в этом мире, безопасность.

– Что-то случилось, Константин? – спросил с лёгким удивлением. Всё ведь, кажется, было уже обговорено. По крайней мере то, что не терпело отлагательств. А об остальном можно и утром.

– Да не спится мне, Ваня. – Удолин особым образом подмигнул и похлопал по карману. – Может, пустишь?

– Заходи, – сделал широкий жест Ибрагим, он же Иван Романович. Сколько подобных внезапных посещений желающих «продолжения банкета» друзей он помнил с петроградских студенческих дней. И в полночь, и далеко за полночь. Но здесь ведь не Петроград двадцатилетней давности, здесь совсем другое!

Кофеварка в апартаментах Катранджи имела, и они усидели больше половины бутылки коньяка, неистово куря сигары и горячо споря на совершенно бессмысленные, с точки зрения Арчибальда (наверняка их сейчас слушающего и наблюдающего), темы. При чём здесь, к примеру, Кючук-Кайнарджийский, Ункиар-Искелесийский и другие дипломатические договоры никчёмного, а иногда и нездешнего прошлого? И совершенно незамеченной, на фоне рассуждений о Наваринском, Чесменском, Синопском сражениях и бое у мыса Сарыч, вдруг проскочила фраза Удолина о том, близко ли знаком Иван Романович с тантрическими²³ практиками.

²² Терминология империалистической пропаганды времён «холодной войны». «Первый мир» – «свободные» страны Запада, «второй» – СССР и его «сателлиты», «третий» – т. н. развивающиеся страны, бывшие колонии и полуколонии «первого мира». В данном случае под «третьим миром» следует понимать все территории и государства, не входящие в ТАОС.

²³ *Тантризм* – философское течение в индуизме и частично буддизме, ставящее в основу представление о главенствующем

Купец Катранов со своим философским образованием кое-что об этом слышал, но абсолютно мельком, его куда больше интересовала теория «прибавочной стоимости» и кое-какие идеи из «исторического материализма», благодаря которым он и процвёл.

Удолин, зондируя и сканируя окружающее ментальное пространство, уловил, что их перестали *слушать*. Бог знает почему. Вдруг супермозг отвлёкся на прозрачные мысли девчонки, его тоже весьма интересовавшие. Или на brutальные настроения семи лётчиков, принявших на грудь положенную дозу и сейчас яростно спорящих, как жить дальше.

Одним словом, момент сказать то, что нужно, появился.

– Ничего не бойся. *Они там* хитрые, а мы хитрее, – демонстративно дрожащей рукой профессор расплескал по рюмкам никому уже не нужный коньяк. Требуемое состояние было достигнуто. – Сейчас я наложу на тебя охранное заклятие...

– Какое? – слегка испугался Ибрагим.

«Они, эти мусульмане, на десять веков опоздавшие со своим Магометом, – слегка небрежно подумал Удолин, – до сих пор опасаются ифритов, джиннов и прочей нечистой силы домусульманских времён.

– Хорошее, – улыбнулся некромант. – Никакая сволочь его не пробьёт. Заклинание именно что чисто *тантрическое*. Любая, направленная против тебя и близких к тебе людей *чёрная сила* автоматически превратится в *светлую*. *Шакти*²⁴, если тебе это слово что-то говорит.

– Что-то помню, – небрежно ответил Катранджи. На самом деле он знал этот термин очень хорошо. Да что далеко ходить? В некотором смысле его «валькирии»-телохранительницы тоже воплощение шакти, дважды спасшие его от агрессии «тёмных» (по отношению к нему) сил, да вдобавок одним своим обликом способные пробуждать лучшие свойства его натуры. Он был склонен к самоанализу и понимал, что прежний вождь «Чёрного интернационала» и нынешний «купец Катранов» – во многом разные, моментами даже противоположные люди. И это не продиктованная прагматизмом смена модели поведения, а внутренняя трансформация. Совсем по Достоевскому.

– Давай-ка мы с тобой разойдёмся по домам, Костя, – предложил Ибрагим/Иван. – Устал я очень и спать хочу. Твой последний коньяк был совершенно лишним.

– Так я хотел как лучше...

Удолин пошатнулся, удержавшись за спинку кожаного кресла, и сквозь зубы произнёс нужную формулу, дополнив её пассами правой руки.

– Ну, перебрали чуть-чуть. Так знаешь, на Руси говорят: «Кто пьян да умён, два угодя в нём!»

– Знаю, знаю, – сказал Катранджи, едва ли не подталкивая в спину якобы «в лоскуты» пьяного профессора, проводил его в коридор и убедился, что тот нашёл дверь своей комнаты. После чего вернулся, налил ещё чашку не успевшего остыть кофе и стал прислушиваться к себе. Профессору он верил безгранично. Бывает такое – поверил сразу, и всё!

Так где же его заклинание? Как оно должно действовать и когда?

Ибрагим лёг в постель, потрогал пальцами лежащий под подушкой пистолет. «Ничего глупее придумать не мог? – подумал он. – Оружие, ожидая ночного вторжения, нужно в другое место прятать». Стремительно проваливаясь в сон, Катранджи увидел, до чрезвычайности ярко, солнечный луг, покрытый одуванчиками и ромашками, и идущую по нему навстречу

в мире сексуальном начале (женском или мужском, по обстановке). Интересно, что в «Туманности Андромеды» и «Лезвии бритвы» И.А. Ефремов очень увлекался этой идеей. В первой из его завоевавших всемирную популярность книг земной звездолёт называется именно «Тантра». Наверняка эта повесть проскочила цензуру по причине общей некультурности стражей идеологии.

²⁴ *Шакти* – в тантризме олицетворение женского, положительного и организующего сексуального начала. См. например, Ефремов И. «Час быка», «Лезвие бритвы».

Крестину, в одной только развевающейся вокруг длинных загорелых ног шёлковой юбке. Босую, с открытым торсом. Она широко улыбалась и отводила рукой падающие на глаза распущенные волосы.

Удолин постоял посередине коридора, глядя в его бесконечную, сзади и спереди теряющуюся в полумраке длину. Прислушался. Катранджи его *посыл* принял. Теперь, что бы ни захотел с ним сделать Замок, ему придётся столкнуться с непреодолимой, потому что непонятной ему, а оттого и неподвластной силой. Константин Васильевич хорошо помнил слова *ещё прежнего* Арчибальда о том, что ему хочется постоянно наблюдать, как люди занимаются любовью, и понять, в чём смысл этого развлечения, или – непреодолимой потребности.

«Теперь, *юноша*, – подумал профессор (он Замок в *этом* воплощении воспринимал именно как юношу, случайно подсмотревшего, чем иногда занимаются *взрослые люди*), – ты *зависнешь* капитально. Сам себе ловушку устроил».

Услышал за ближайшим поворотом голоса Сильвии и Басманова и поспешил скрыться в своих комнатах. Эти двое сейчас тоже сработают на его план. Перестарался Арчибальд в стремлении «очеловечиться». Ему просто не хватит *объёма внимания* — уж слишком сильная энергия *шакти* распространялась сейчас ещё и агтрианкой. А они ведь с ней не сговаривались! Сама, выходит, до того же метода додумалась? А почему бы и нет, с её опытом и подготовкой? Используя исключительно женщин для работы на Земле, где вся культура, психология и практика заточены под мужское восприятие мира, её прежние хозяева проявили хорошее знание предмета. Мужчина почти бессилён в серьёзной поединке воли и характеров даже против обыкновенной умной женщины, а если она изучала специальные методики и неизвестные в данном социуме практики, шансы против неё могут быть только у специально подготовленного евнуха. Это, кстати, очень хорошо понимали древние правители и их советники вплоть до византийских базилиевсов. С наступлением в Европе «тёмных веков» немногочисленные церковники, как-то причастные к знаниям прошлого, пошли по самому простому в их положении пути – поголовному уничтожению так называемых ведьм.

А Арчибальду далеко даже до полуграмотных, незнакомых с философиями гораздо более древних и утончённых культур. В памяти Замка наверняка содержатся все необходимые знания, но обнаружить их так же сложно, как отыскать нужный текст в библиотеке, принцип классификации и порядок расстановки книг в которой неизвестен.

Константин Васильевич ощутил к Сильвии профессиональное уважение. Бить врага нужно там, где он наиболее слаб. Она это сообразила одновременно с Удолиным, если не раньше. Что ж, теперь посмотрим. Главное – его самого до утра уж точно никто не потревожит. А он за это время, пожалуй, сумеет подыскать соответствующие обстоятельства положения *Белого тезиса*, хотя бы в тех пределах, что ему доступны. Замок вполне можно рассматривать как некий *суперголем*, то есть псевдоразумную систему, не имеющую индивидуального самосознания, а только некую возникшую эволюционным образом, не отрефлектированную цель. Аналогично можно представить так называемый *надразум* пчелиного улья, муравейника или класса номенклатуры в тоталитарном государстве.

Именно здесь и пригодится Белый тезис, способный придать поведению голема видимость смысла для него самого. Проблема в том, чтобы «смысл» не противоречил «ощущению», проще говоря – воспринимался *субъектом* как очередной, прогрессивный этап текущего саморазвития, ни в коем случае не как угроза.

Глава двадцать первая

Кристина Волынская, несмотря на проведённые на Земле полтора года, до сих пор иногда ощущала себя всё той же «двести девяносто первой». Примерно как офицер, получивший чин, должность и даже орден, но только устным распоряжением. Окружающим всё равно, но тебе – нет!

Вернувшись в свои апартаменты, куда более роскошные, чем даже у Ларисы в её кисловодском дворце, они с девушками привычно поболтали в гостиной, старательно не касаясь смысла случившейся ситуации. Им, по большому счёту, и не полагалось о таком задумываться. Была Таорэра, где они превращались (да так и не превратились) из неизвестно чего в *нормальных* координаторов, была Земля с Кисловодском, потом пароход «Валгалла», служба в «печенегах», Одесса, теперь вот это. Норма. Ни к чему другому их и не готовили. Каким образом и почему сегодня с ними случилось именно это, а не что-нибудь другое – вопрос не их компетенции. Кто-нибудь другой мог полететь на флигере с Лихаревым, и теперь не с ними, а с другими «номерами» происходили бы эти или совсем другие события.

С девочками они говорили о всякой ерунде, хотя наверняка их ровесникам было бы интересно послушать. Такое иногда произносят молодые девушки в своём кругу...

Наконец, обсудив, в чём утром выходить к завтраку, в полевой форме или легкомысленных платяицах, коснувшись сравнительных достоинств каждого из лётчиков (уважая чувства некоторых присутствующих, о старших офицерах не упоминали), разошлись по комнатам. Слишком длинный и тяжёлый был сегодня день.

Кристина с облегчением заперлась в своей секции. Хотелось побыть одной. Что-то её беспокоило или томило. Минут десять она простояла под контрастным душем, переключая воду с почти кипятка до ледяной и обратно, внимательно наблюдая за своим отражением в сплошь зеркальной стене. Придумал ведь кто-то. Для неё или за неё?

Сама себе Кристина нравилась больше, чем любая из подруг, хотя у всех практически одинаковые фигуры и «вторичные половые признаки». Считала, что «шарма» у неё больше, но вслух, конечно, никогда бы этого не сказала. Кому нужно – сам догадается.

Вытерлась большим белым полотенцем, не переставая смотреть себе в глаза. Явно девушку по ту сторону покрытого водяными брызгами стекла что-то беспокоило в предстоящем дне. Или прямо сейчас. Вроде бы не она «мать-командирша», Анастасия в данном случае, исполняющая должность взводной, наверняка нежащаяся в объятиях Уварова (пусть Кристина к подполковнику не испытывала совершенно никакого влечения, но факт, что Вельяминова с ним «спит», её несколько раздражал. В основном тем, что волей-неволей она себе это *представляла*).

Да и повыше есть люди, которым положено «обстановкой владеть» и принимать решения, наилучшим образом ей соответствующие. Полковник Басманов да и Сильвия тоже! Величина, почти недостижимая (непостижимая?), не зря же её так своевременно на помощь вызвали.

Кристина вернулась в спальню (если бы у неё с будущим мужем такая была!), откинула покрывало, легла. Из тумбочки достала спрятанную от подруг фляжку. Как хорошо! Два глотка, длинная тонкая сигарета, одного не хватает – чтобы раскрылась дверь и вошёл «он»!

Да кто же – «он»? В том и прелесть, что пока неизвестно.

Кто и когда из девчонок, даже таких, как она, никогда не знавших родных отца и матери, не любил тайн и сказок? И если в «учебном центре» им на ночь не читали книжек, а «доводили» очередной приказ или *вгоняли* нужную информацию, то всё равно... Девочки думали «о своём», именно потому, что «своего» у них и не было. И сказки себе сами придумывали.

Вся беда структур, подобных «агтрианской школе», в том и заключается, что полноценный специалист должен обладать массой *достоверной* информации о мире, где ему предстоит

работать. А эта информация зачастую вступает в противоречие с *базовыми установками*. Не зря в сталинское время в любой анкете имелся пункт: «Был ли за границей, в плену, на оккупированной территории?» И не зря, между прочим. Сразу видно потенциального антисоветчика. Власть понимала – только особо упёртый догматик, побывав в парижках и нью-йорках, продолжит верить в марксистско-ленинские тезисы об «обнищании рабочего класса при капитализме», «неуклонном росте благосостояния советского народа» и стране, где «так вольно дышит человек».

То же самое и с «валькириями» случилось. Раз их заведомо не сделали бесполоыми и безэмоциональными, при встрече с нормальной жизнью свойственная каждой девушке тяга к романтике и любви чрезвычайно легко возобладала над идеологическими установками. Кристине и подругам повезло – их Лихарев и Сильвия официально освободили от «верности агтрианской миссии», подразумевавшей, что агенты-координаторы никогда, ни при каких обстоятельствах не способны изменить своему долгу, как не могла овчарка начать сотрудничать с волками. Какие-либо «личные привязанности», не имеющие отношения к выполнению задания, исключались по определению.

Но стоило «отключить предохранители», и сразу фантазия вместе с гормональной системой заработала в полную силу.

Пусть и объект симпатии ещё не встретился, а воображение почти постоянно рисовало всевозможные варианты.

Подобное и раньше случалось, с Ириной, да и раньше наверняка тоже. И сама Сильвия казалась «бракованным» экземпляром. Совершенно точно известно. Возможно, права Наталья Воронцова, сказавшая как-то девушкам во время вечерних бесед на палубе: Земля как планета и окружающая её ноосфера обладают неожиданным для инопланетян свойством, действующим как радиация. Незаметно, но неумолимо она разрушает глубинные структуры «навязанной» личности, а когда это становится заметно, лечиться уже поздно.

Ирине на то, чтобы полностью подавить в себе всё агтрианское, потребовалось чуть меньше десяти лет. А «великолепной семёрке», как она назвала «валькирий» по ассоциации с недавно просмотренным и безоговорочно всем понравившимся фильмом, достаточно было всего лишь месяца. Конечно, у них особый случай, но тенденция абсолютно ясна. Ещё немного, и вся «школа Дайяны», и она сама тоже перейдут на сторону землян. Не обязательно полным составом вступят в «Братство», но тем не менее...

Кристина уже собиралась погасить свет, чтобы, засыпая, вообразить что-нибудь волнующее, но, потянувшись к выключателю, вдруг почему-то взяла с тумбочки свой блок-универсал, могущественный инструмент и знак её принадлежности к «вышним». Да, конечно, она теперь настоящая землянка, более того – принесший присягу офицер Императорской Гвардии, но всё равно «высшая» по отношению к скольким-то там миллиардам остального человечества. Пусть и не в «агтрианском» смысле.

Сначала просто решила выкурить ещё одну сигарету, для настроения, а потом начала рассматривать клавиатуру управления. Как любознательный подросток XXI века, получивший наконец долгожданный подарок – сотовый телефон новейшей модели, она при каждом удобном случае старалась возиться с ним, выискивая новые, ещё не освоенные функции. Сильвия, проводя инструктаж и демонстрируя возможности «волшебного портсигара», добилась того, что «валькирии» владели им на весьма высоком уровне. Как ковбой своим «кольтом», что Анастасия и продемонстрировала вчера, удивив саму наставницу.

И всё же девушки понимали – знают они ещё далеко не всё. Кнопок и сенсоров в блок-универсале много, и наверняка ведь имеется сколько-то операций, включаемых определёнными их сочетаниями, доступными посвящённым высших уровней. Как у китайцев с иероглифами, – выпускник, допустим, средней школы, знающий их две тысячи, может читать только

положенные ему книги, а те, что изучают аспиранты, доценты и профессора, требуют знания десяти тысяч, то есть недоступны так же, как китайский букварь эскимосу. На эту тему как-то пошутил Воронцов, спросив у «валькирий»: «Что на свете сложнее «китайской грамоты?» И сам же ответил, отвергнув предположения насчёт квантовой теории и тому подобного: «Обычная китайская азбука Морзе».

Говорят – «чёрт дёрнул», так не иначе как пресловутый «чёрт» заставил Кристину одновременно нажать левую верхнюю и левую нижнюю кнопки на панели. Вроде как на телефоне «снять блокировку».

Вначале ничего не произошло, и она собралась – ну, совершенно непонятно зачем, знала ведь про опасность подобных упражнений – ткнуть пальцем ещё одну, между ними.

Тут её и накрыло тяжёлой оглушающей волной, будто при попытке выбраться в шторм на берег. Волна мгновенно схлынула, оставив звон в ушах и странную вибрацию в груди и животе. Которые, впрочем, сразу и исчезли. Кристина вдобавок ощутила в теле приподнятость и лёгкость, словно сила земного тяготения внезапно уменьшилась. И тут же, не успев разобраться в физических ощущениях, увидела в нескольких шагах впереди своё «охраняемое лицо» – Ибрагима.

Он удалялся от неё по узкой аллее старинного кладбища. Что это было кладбище, она поняла сразу, причём не европейское. Вообще непонятно какое. Незнакомой архитектуры склепы, украшенные богатой, чрезмерно богатой каменной резьбой, побуревшие и выветренные временем. Покосившиеся под разными углами стелы, испещрённые причудливыми значками, то ли руническими письменами, то ли своеобразным орнаментом. Кое-где угадывались ивритские буквы, и как бы не древнеперсидские. Сквозь трещины в плитах густо пробивались неприятного вида растения. Различались только ближайшие сооружения, остальные терялись в беспорядочно разросшихся тёмно-зелёных хвойных кустарниках и деревьях.

Насколько Кристине позволяло образование, она догадалась, что такого места на Земле просто не может быть. Если это не декорация к псевдоисторическому фильму. Или – если оно на какой-то другой Земле.

Ещё она заметила, что сама одета совсем не так, как секунду назад. В одну только шёлковую, алую в синих спиральях юбку-солнце, и ничего больше. Такой юбки в гардеробе девушки не имелось. Совсем не её стиль. И на Катранджи наряд был непривычный – белые шаровары и белый замшевый жилет, расшитый золотыми узорами. А за красным поясом – длинный кривой кинжал. Словно у янычара XV века.

Ибрагим не оборачивался, не чувствовал за спиной её близкого присутствия. Кристину происходящее нисколько не удивило. Частью сознания она предположила, что это просто сон. Остальной понимала – самая настоящая явь, такая, как все события чересчур затянувшегося дня. И какую-то роль наверняка сыграли её опрометчивые упражнения с блоком. Кто знает – вдруг такое сочетание команд выводит в неизвестную псевдореальность или материализует собственные (а то и чужие) воображаемые миры.

Но возраст есть возраст – романтическая составляющая начавшегося приключения перевешивала здравомыслие. Правильнее всего было бы ещё раз нажать те же кнопки, обычно это позволяло отменить предыдущую команду, портсигар по-прежнему был зажат у неё в руке. Но она решила продолжать наблюдение и сунула блок-универсал в карман.

Навыки разведчика-рейнджера действовали автоматически, Кристина сделала бесшумный шаг в сторону и укрылась за кустом самшита. Травинка не зашуршала, ветка не хрустнула.

Ибрагим (девушке показалось, что он здесь лет на десять моложе, чем совсем недавно) подошёл к самому древнему и большому из теснившихся вокруг склепу с тёмными, покрытыми пятнами лишайников и грязно-зелёной патиной двустворчатыми дверями. Извлёк из-за пояса приличных размеров ключ, с усилием повернул в скважине и шагнул через высо-

кий порог, предварительно обернувшись. Настороженным, сосредоточенно-мрачным взглядом окинул окрестности. Почти упёрся глазами в её глаза – и безразлично скользнул дальше.

«Неужели он меня не заметил? Ко всему прочему добавилась и функция «невидимости», – подумала Кристина. – Или вообще случилось разделение души и тела? Одно так и осталось в комнате, а вторая призраком следит за подопечным?» Тогда почему она видит саму себя, и блок-универсал по-прежнему вполне материальный и осязимо тяжёлый?

О подобном она не слышала, да и если б такое было возможно, большинство из известных ей событий в истории «Братства» потекли бы совсем иначе. Неужели же ей открылось какое-то новое знание, недоступное даже её учителям, Сильвии прежде всего? Почему так, зачем?

Она была приучена всегда всесторонне оценивать окружающую обстановку, вникать в суть происходящего и только потом действовать. Но сейчас не только в теле, но и в мыслях девушки присутствовала эйфорическая лёгкость, подсказывающая, что на самом деле от неё ничего не зависит, и достаточно отдаться на волю обстоятельств. Всё идёт как нужно, ничуть независимо от её воли.

Тем более – рассуждать и размышлять было некогда, время утекало неумолимо и стремительно, как кровь из перебитой артерии. Выждав минуту или две, она вслед за Катранджи скользнула в склеп. Самой обычной невидимости ей пока достаточно, только нужно на всякий случай смотреть под ноги, чтобы чем-то не загрязнить и не выдать себя. Пытаться проходить сквозь стены она не рискнула.

С Ибрагимом их разделяла половина лестничного марша. Слабый свет попадал сюда через несколько щелей под потолком, но его было достаточно и ей, и Ибрагиму. Турок выбрал на связке ещё один ключ, прямой и длинный, ткнул им, казалось, просто в стену, но там оказалась потайная скважина. Щелчок – и открылась дверь, ничем не выделяющаяся на фоне древней кладки.

Прежде чем она снова затворилась, Кристина как на пуантах проскользнула за спиной Ибрагима и в дальнем углу прижалась голой спиной к сырой и холодной кладке.

Они находились в обширном сводчатом помещении, посередине которого стоял мраморный многоугольный и многоярусный саркофаг, украшенный в стиле верхнего сооружения склепа. По стенам – полусгнившие, потерявшие цвет драпировки, ленты и вымпелы с едва различимыми узорами и письменами. «Валькирии» вдруг стало нехорошо. Угнетающая, такая же мрачная и давящая, как от случайного взгляда Катранджи, эманация исходила от этого *логова смерти*. Так она восприняла неизвестно чью усыпальницу, притянувшую Ибрагима, а за ним и её. Именно – *притянувшую*. Она сюда не собиралась, да и турок тоже, всего час назад выглядевший совсем иначе. Как они вообще могли перенестись неизвестно куда из Замка? Судя по всему, изолировал их там Арчибалд надёжно. Или – это лишь проявление присущих странному сооружению свойств?

За саркофагом виднелся другой проём, на этот раз – без двери. Просто арка в полутора-метровой стене.

И уже там – комната гораздо более *ухаженная*, если можно так выразиться. Почти пустая, но чистая, стены гладкие и светлые. Каменный стол у дальней стены, освещённый имитацией восточной масляной лампы. Именно имитацией – очень похоже, даже высокий язычок пламени подрагивает как бы от движения воздуха, а яркость вдесятеро больше нормальной, и главное – нет жирного запаха и копоти!

На столе – какой-то явно электронно-механический аппарат, большой и совсем не современного, вообще не слишком человеческого дизайна. Он отдалённо походил (да и то лишь потому, что человек подсознательно подбирает к неведомому хоть минимально близкую ассоциацию) на дореволюционные кассовые аппараты «Националь», только раз в десять больше. Весь был усеян рычажками и рычагами из белого и жёлтого металлов, а также разного диаметра отверстиями. Кристине мельком подумалось – такие штуки могли бы строить египетские

жрецы, по мнению некоторых учёных, постигшие основы «кибернетики» примерно в эпоху Первого царства, лет за тысячу до начала возведения пирамид.

И какой же «чёрт» (тот, что заставил нажимать кнопки на блоке?) занёс их сюда? Волинская чувствовала, что не своей волей явился в это место Катранджи. А она, значит, что – продолжает исполнять возложенную на неё миссию?

Ибрагим подошёл к «устройству», что-то начал включать торчащими из стены массивными коленчатыми рычагами, поворачивать бронзовые колёса по бокам «ящика». Машина явно отреагировала, защёлкала, загудела, что-то в ней провернулось, как шестерёнки в коробке передач автомобиля «ГАЗ-51». Кристина на таком ездила в школе, их ведь готовили к жизни в тех ещё, «сталинских» годах. И получалось неплохо, по сильно пересечённой местности доезжала из «пункта «А» в пункт «Б» не хуже, чем на легковушке с автоматической коробкой по гладкому асфальту.

Ей при включении «машины» стало просто не по себе, а Катранджи – совсем плохо. Особенно после того, как устройство загудело и залязгало во всю силу. Он прерывисто и шумно задышал, шея и не прикрытое жилетом тело покрылось видимыми на расстоянии каплями пота. Но он продолжал то ли всматриваться в происходящее, то ли прислушиваться к нему, пока не подогнулись колени и Ибрагим неаккуратно осел на пол, начал заваливаться на спину, из последних сил пытаясь удержать голову, не удариться с размаху затылком об камень. Перевалился на бок и, наконец, потерял сознание.

Кристина метнулась вперёд – начала действовать программа «защитницы». Кто бы он ни был, зачем бы сюда ни пришёл – если ей поручено, она его должна спасти, остальное потом.

Аппарат, прежде всего отключить аппарат! Разбираться было некогда и страшно. Один щелчок или поворот колеса не туда – случиться может такое, что и не вообразить! Она вскинула блок-универсал – один короткий импульс, и всё! Чем бы ни было странное устройство, оно превратилось в ком деформированной материи. Кристине послышалось, что в самой глубине стен что-то разочарованно квакнуло, хрюкнуло и даже простонало.

В ответ она разразилась не подлежащей воспроизведению тирадой, адресованной сразу всем, враждебным лично ей силам.

Вспомнила, как боевая подруга поручик Яланская (из настоящих, земных «печенегов») как-то долгим зимним вечером на учениях, в палатке, едва не срываемой с креплений свирепой пургой, подняла вдруг неожиданную тему. Кажется, в ответ на слова одной из девушек, непристойно выразившейся по поводу погоды, не позволяющей «до ветру» выйти. Взводная командирша, дочь московского промышленника-миллионера и племянница правящего архиерея²⁵, неизвестно отчего выбравшая себе армейскую, с самого низа, стезю, вдруг посерьёзнела. Что бывало с ней достаточно редко.

– Я вам что, девушки, скажу...

Очень вдруг её тон всех насторожил, а то и напряг. «Валькирий», пожалуй, особенно. Словно бы именно к ним были обращены слова совсем взрослой, уже двадцатипятилетней женщины.

– Материться – вы все, дуры, научились. Кто в войсках, кто и раньше. Я не вмешивалась. Не гувернантка, не бонна и даже не ротный...

Тут все сдержанно захихикали. Ротный – отдельный разговор. Тот, не могущий быть обвинённым в отсутствии мужественности (при трёх настоящих офицерских орденах, полученных за боевые заслуги), вообще никогда не выражался. Что при равных чином офицерах, что при солдатах и тем более при дамах, невзирая на степень проступков.

Резким жестом она заставила десяток подпоручиц замолчать.

²⁵ *Правящий архиерей* – церковный сановник (от епископа и выше), занимающий должность главы епархии.

– Ротный как раз – понимающий человек. Дай бог, чтобы он нами ещё покомандовал. Вы, девки, никогда не слышали, как наш командир высказываться умеет, а мне один раз пришлось! Это нечто! Я вам и передать не могу.

Девушки наострили уши.

– Интересно бы послушать, – сказала тоже настоящая местная Полухина Валя.

– Не советую. Дядька мой, епископ Илиодор (князь церкви и генерал-майор, в пересчёте на воинские чины), давно мне говорил, *что такие* слова блудом являются, будучи *употребляемы всуе*, как и имя Господа! На самом деле это есть древние сакральные заклинания русского народа, коими ещё в дохристианские времена любую нечисть отогнать было возможно. И любого нормального человека в чувство привести, если он вдруг в *уныние*, тоску или сомнение впал. Уныние ведь и по христианству смертный грех! Убийство – нет, а уныние – да!

Вы только вдумайтесь... Куда при таком «посыле» любая нечисть денется? – И Яланская произнесла несколько «хорошо темперированных» фраз. Настолько изящно построенных и неожиданных, что девчонки просто обалдели. В буквальном смысле.

– Я ведь в первую очередь против тех – что мужиков, что баб, – кто «три слова» сызмальства заладил и так ими и орудует до седых волос. Слова и солёные быстро смысл теряют, а действовать ими на психику, особенно враждебную изначально, надо неожиданностью и новизной оборота. Тут зло и скукожится, в изумление придя²⁶. Для этого следует в себе эту способность развивать постоянной тренировкой, но вслух зря не произносить, а другим передавать только по крайней необходимости...

Поручик помолчала, наблюдая, как её слова усваиваются, удовлетворённо кивнула и добавила, закругляя тему:

– Вас научили, как финкой вражескому часовому глотку перехватить, чтоб и не хлопнуло? А в начальной школе этому же учить возьмётесь? Вот и я о том. Ладно, закрыли тему! Ещё от кого хоть слово «не по делу» в расположении услышу – не обижайтесь! Я вам не Полусаблин!

Вот и пригодился урок Кристине. И то, что Яланская говорила, она сейчас, неизвестно к кому адресуясь, детально повторила и от себя добавила. Со стороны (общечеловеческой или мистической), юная, до пояса обнажённая красавица, выдающая в пространство выражения, пристойные боцману с «Богатыря» (тысяча девятисотого года призыва), или комиссару «Парижской коммуны» (пусть и призванному в двенадцатом, но «настоящую службу заставшему»²⁷), выглядела гораздо убедительнее. Непривычности, а значит, и сакральности в ней было больше. Что какой-то царский боцман в сравнении с воплощением древнеславянской «волховицы», вдохновенно выдающей загибы-заклинания.

От этого или нет, но Катранджи, выпав из зоны очередного ментального удара, начал подавать признаки жизни и возвращающегося сознания.

Кристине ничего не стоило, подхватив на руки его почти пятипудовое безвольное тело, выбежать наверх из этого жуткого места.

На всякий случай ногой затворила за собой входную дверь склепа, прошла ещё с десяток метров, пока не увидела освещённую солнцем полянку. Ни одного зловещего сооружения поблизости.

Опустила своего подопечного на мягкую светло-изумрудную, а не мрачно-тёмную траву.

²⁶ По-старорусски «прийти в изумление» в отличие от нынешней трактовки означало «потерять разум» в буквальном смысле.

²⁷ См. Л. Соболев. Индивидуальный подход. Что интересно для нынешнего читателя, этот рассказ, живописующий традиции «крепких выражений» и в целом положительно отзывающийся о царском флоте, никогда с 1926 г. не встречал никаких цензурных препятствий к публикации. При этом за свои произведения подобной направленности однокурсник Соболева С. Колбасев был расстрелян (см. его книги, хотя бы сб. «Поворот все вдруг»).

Села рядом и только здесь впервые вздохнула. Оказывается, пока несла чуть ли не умирающего мужика, забыла дышать.

Ибрагим поворочался, что-то пробормотал на совсем незнакомом ей языке, сел и только потом открыл глаза. Абсолютно осмысленно и слегка удивлённо осмотрелся. Мотнул головой, сглотнул и спросил:

– Здесь есть кто-то? Я тебя чувствую... Не подходи, – и сжал рукой рукоятку кинжала.

Что ей теперь делать? Она по-прежнему невидима, но он её чувствует. Как быть? Постараться вернуться обратно или «проявиться» здесь? Волынская непонятным образом знала, что способна и на то, и на другое. Уйти «к себе» проще, а как с чувством долга? Она его оставит, а он – снова в склеп? Зачем – сейчас неважно. Девушка понимала – ничего хорошего там быть не может, только плохое и очень плохое, невзирая на то, что непонятная машина уже уничтожена.

Она сделала самое простое, что пришло в голову. Сказала: «Это я!» – и придвинулась к нему на полметра.

– Кристина? Как ты здесь оказалась? – Теперь он её увидел, и его изумлению не было предела. И не только изумлению. Он пошатнулся и снова стал заваливаться на спину. Она успела подложить ладонь ему под затылок, а то он прилично стукнулся бы о торчащий из земли булыжник.

– Слабоват, однако. – Девушка не сдержала усмешки. Не говоря о «школе молодого бойца», «валькирия» держала перед внутренним взором всех русских офицеров, с кем ей приходилось *работать*. Хоть Уваров, хоть Полусаблин или Окладников – ни один, даже с пробитой пулей грудью или осколком в животе, не переложил бы на плечи девушки ответственность, пока сам мог хоть что-то. Хоть кольцо у последней гранаты выдернуть.

Вспомнив, чему когда-то учили, она хлётко, с двух сторон ударила *клиента* по щекам. Ибрагим снова очнулся и, похоже, резко пободрил.

– Кристина? – снова спросил он, но гораздо осмысленнее. И уставился на покачивающиеся перед самым носом груди. Кажется, именно они включили правильное восприятие действительности. И только потом он посмотрел ей в глаза. Тоже почти в упор.

Она не могла ни понять, ни объяснить, что случилось в следующие секунды. Буквально минуту назад этот мужчина, что в его турецком, что в российском обличье, был ей просто неинтересен. Пусть немислимо богат, пусть занимает какие угодно посты, вплоть до «владыки полумира». Ей-то что? Она его видела растерянным и испуганным в Одессе, цеплявшимся за руку и умолявшим его спасти. Далеко не каждая женщина после такого согласится считать мужчину мужчиной. Да и в Царьграде вчера героизмом не блеснул!

И вдруг он потянулся руками к её талии, а губами – к груди, а она не отстранилась хотя бы для вида, как уважающая себя девушка. Ничего не соображая (рациональная составляющая личности напрочь отключилась), сама бросилась в его объятия. Под влиянием непреодолимой силы страсти. Если бы при этом прозвучал «гром небесный», Кристина не удивилась бы.

Слились телами, губами, чувствовали, как гулко колотятся сердца, будто пытаясь пробиться друг к другу. Сколько это длилось – вспомнить невозможно.

Каким-то третьим планом своей мыслящей составляющей она понимала, что вот так и случается, когда приходит «любовь», вполне до этого момента абстрактное понятие. Что сказать о нём – неизвестно, ей и самой сейчас было не совсем понятно, как *такое* могло случиться у совершенно разных по возрасту, происхождению и менталитету людей. Однако...

– Что ты здесь делал? – задыхаясь после поцелуя, но не разжимая объятий, спросила она, не зная, как к нему обратиться, по какому имени.

– Как ты сюда попала, Кристина?

Девушка ещё думала, что ответить, а слишком твёрдые и сильные ладони Ибрагима уже оказались гораздо выше её коленей. И двигались дальше, без всякой осторожной нежности, одновременно сдвигая юбку выше пояса и раздвигая бёдра.

Вот этого она позволять не собиралась, какие бы чувства её ни обуревали. Она слишком хорошо помнила, как вёл себя Левашов, когда Дайяна приказала лечь с ним, *сдавая зачёт*. Он не шептал ей признаний, но сумел показать, как должен вести себя *настоящий* мужчина с девушкой. И вдруг такой контраст с Ибрагимом, которого она только что «полюбила».

Кто и зачем создал эту ситуацию, отчего и для чего она представлена здесь такой доступной и вызывающе раздетой, уже неважно. Если кому-то нужно, чтобы она его спасла – она спасёт. А вот изнасилование на травке – явно вне программы. Если бы он ещё хоть сколько-то ласкал её, говорил нежные слова, дождался, когда к ней придёт настоящее желание, тогда Кристина, скорее всего, сама позволила бы *сделать всё*. А так? Она вывернувшись, толчком локтя опрокинула Ибрагима на землю. Любовь не любовь, но отдаваться или нет, как и когда – ей решать.

Нащупала на земле выпавший из руки портсигар, на чистом автопилоте нажала нужные кнопки.

Снова словно бы удар волны по затылку и в спину. И тот же Ибрагим лежит навзничь на ковре её комнаты в Замке. Абсолютно уже ошарашенный и опять «приведённый в изумление». А она – в порядке. И уже не в цыганской какой-то юбке, а в обычной ночной рубашке, той, в которой ложилась в постель. Счастливая от того, что «наваждение» прошло. Остальное – в пределах нормы. О его грубой попытке овладеть ею Кристина легко могла забыть. А вот момент собственной *вспышки* – никак.

– Слушай, я совсем ничего не понимаю, – сказал он удивлённым, но совершенно нормальным голосом никакого не турка из XV века, а вполне обрусевшего культурного человека. – Где мы были и были ли вообще? Как я к тебе забрёл?

– Брючки свои застегни, тогда и поговорим, – ответила Кристина. Он-то оставался в прежнем наряде, а его шаровары были устроены так, что открывали слишком многое, даже в сравнении с её нарядом.

– У тебя в комнате выпить что-нибудь есть? – спросил он, застёгиваясь и окончательно приходя в себя. С удивлением повертел в руках дамасский (скорее всего) кинжал, отложил его в сторону.

– Ты прости, – сказал он, глядя на нежную кожу её бедер, где могли бы остаться синяки от его пальцев. – Это был словно не я, а тот самый янычар...

Удивительно, как она не обратила внимания – в сне-наваждении у Катранджи была куда более «азиатская» внешность.

– Я сейчас, – в гостиной у них, как в высококласном отеле, имелся мини-бар с достаточным количеством напитков. Кристина выглянула в коридор – никого, подруги давно спали. Тем более, она представления не имела, сколько в реальном времени длилось её приключение.

Взяла аккуратно, чтобы не звякнуть, несколько бутылок, не глядя на этикетки.

– Пожалуйста, – выставила на стол свою добычу. Понятно, что после столь жуткого стресса мужчине просто необходимо *встряхнуться*. Да и ей не вредно. Она всё время перебирала в голове возможные варианты случившегося. Нет, это что угодно, только не галлюцинация.

– Как *мы* туда попали? – В голосе Катранджи звучало искреннее удивление.

– Нет, как *ты* туда попал? – возразила Кристина. – Я возилась со своим прибором, набирала разные команды и вдруг, словно смена кадра в фильме, – вместо своей комнаты увидела это жуткое кладбище, тебя впереди, и просто пошла следом. После того что с нами вчера произошло, даже не удивилась вначале. И о чудесах этого Замка наслышана, здесь, говорят, может случиться абсолютно всё. А мне приказано не оставлять тебя без прикрытия ни при каких обстоятельствах. Прости, служба есть служба, о другом не говорим... – это она вспомнила страстно-бессмысленные слова, что шептала ему между поцелуями и за которые сейчас было

немного стыдно. Разве можно так терять голову? Сейчас Ибрагим по-прежнему казался ей привлекательным мужчиной, но кидаться ему в объятия отнюдь не хотелось.

На всякий случай она встала, надела поверх «ночнушки» армейскую рубашку и застегнула на две верхние пуговицы. Хоть грудь прикрыть. Это отчего-то волновало её больше, чем на две трети обнажённые ноги. Присела на диванчик в трёх шагах от него, не торопясь, тщательно размяв сигарету, закурила.

– Говори!

Теперь она стала *очень* спокойна.

– Я начинаю догадываться. Перед тем как *это* случилось, у меня был Удолин. Мы много говорили, в основном, чтобы затуманить главное содержание, на случай, если нас подслушивали. Наконец Константин сказал, что Замок, или Арчибалд, чёрт их разберёт, наверняка в ближайшее время предпримет какие-то действия именно против меня. Я, мол, в их понимании – слабое звено...

Катранджи тоже глубоко затянулся сигаретой, взглядом указал Кристине на рюмку. Она отрицательно мотнула головой, и он выпил в одиночку.

– Знаешь, профессор прав, из вас всех я единственный объект, с которым Арчибалд мог рассчитывать сыграть по своим правилам. Но об этом позже. Удолин пообещал, что может наложить на меня особое заклятие, делающее меня неподвластным никаким «тёмным силам»...

Ибрагим/Иван старательно отводил взгляд от ног девушки, но он, поблуждав по стенам, будто сам собой возвращался, словно притягиваемый магнитом.

«Нет, точно, перед этими восточными парнями только в парандже ходить», – подумала Кристина, но решила, что начать сейчас одеваться – совсем смешно. Пусть тренирует волю.

– Так вот, «неподвластным никаким тёмным силам», и построено всё на основе тантрических учений, – продолжил Катранджи. – Если совсем примитивно объяснить – излучаемая специально обученными женщинами-ведуньями сексуальная энергия способна нейтрализовать любую другую, причём совсем необязательно понимать это буквально. Эротические фрески на стенах храма Каджурахо обладают огромной магической силой, особые танцы...

– Специфическая русская лексика и некоторые жесты, – добавила Кристина. – Я где-то читала, что индусы от русских произошли, и их санскрит – испорченный старославянский.

Катранджи осмыслил это сообщение и продолжил:

– Получается, Удолин оказался прав. Его магия сработала. Я никогда в такие штуки не верил, я рационалист, политик, коммерсант, воин... Сказки «Тысячи и одной ночи» перестал читать лет в двенадцать. Никогда не нуждался в гипотезе о сверхъестественном. Однако последнее время кое-какие взгляды приходится пересматривать...

– Зачем же пересматривать? – удивилась Кристина. – Просто – расширять кругозор. Не помню, кто писал: «Мы похожи на детей, играющих в песок на берегу, а вокруг простирается океан неведомого».

– Скорее всего, так оно и есть, – согласился Ибрагим. – Засыпая, я увидел тебя. Ты была одета точно так, как появилась на кладбище. Шла мне навстречу по цветущему лугу и улыбалась. Я испытал восторг и восхищение...

– Тантрическая жрица? – усмехнулась девушка.

– Почему бы и нет? У индусов они маленькие, толстые, с гипертрофированными формами, у нас – такие... Так вот, я увидел тебя, но не успел ничего сказать. Ты исчезла, и луг, и небо. Я оказался в довольно мрачном помещении, а напротив стоял Арчибалд.

– Вот мы и встретились, Ибрагим-эфенди, – сказал он. – Надеюсь, больше никаких недоумений у нас с вами не случится. Сделаем одно дело, после чего у меня не будет оснований

задерживать кого-либо у себя в гостях. Против желания, само собой, а так живите здесь хоть сто лет...

– Встретились? – удивилась Кристина. – Ты с ним и раньше был знаком?

– Придётся рассказать всё с самого начала, хотя и очень не хочется. Именно тебе. Не та тема...

– Нет уж, говори. Именно мне. А дальше видно будет.

Катранджи вздохнул, потянулся к бутылке, укрепить силы. Кристина снова отказалась.

– Ну, слушай.

... Этот Арчибальд, представившийся сэром Арчибальдом Боулнойзом, одним из сопредседателей широко известного в узких кругах «Хантер-клуба», разыскал Катранджи около двух лет назад в Каире. Этот город, столица королевства обоих Египтов и Судана, считался за пределами Периметра местом довольно безопасным. По крайней мере, европеец с солидными рекомендациями и профессиональной охраной мог чувствовать себя в респектабельных центральных районах относительно спокойно. Ничуть не хуже, чем в Шанхае XIX века, в годы опиумных войн.

От имени клуба Арчибальд предложил Ибрагиму совместный проект, суливший куда большую прибыль, чем даже работорговля...

– Ты и работорговлей занимался? – поразила Кристина.

– Лично я, разумеется, нет! У тебя несколько искажённые представления о действительности, хоть и в контрразведке служишь.

– Во внутренней гвардейской. Иностранными делами заниматься не приходилось, но понимать, что такое современная работорговля, большого ума не надо.

– Так имей в виду, что я контролирую больше полусотни транснациональных корпораций, не считая множества других организаций, от китайских «триад» до «борцов за возрождение империи ацтеков», и не считаю нужным вникать в их текущую деятельность до тех пор, пока она приносит прибыль. Прежде всего я – политик, занятый поддержанием существующего на Земле статус-кво.

Из слов Арчибальда следовало, что в настоящий момент именно Россия представляет реальную угрозу этому «статусу», и имеется план пресечь её разрушительную деятельность.

– В чём же разрушительную? – опять не выдержала Кристина. Сама она появилась на Земле значительно позже описываемого Ибрагимом времени, но за время службы в «печенгах» изучила массу документов и книг, касающихся роли России в ТАОС за последние полвека.

– Так было решено в самых авторитетных кругах, считающих, что они являются «кукловодами» так называемого цивилизованного мира. Меня их потуги руководить процессами, которые в принципе неуправляемы, всегда забавляли. Но отчего же не поучаствовать в деле, в перспективе сулящем крах всего заповедника «золотых полутора миллиардов»?

Усмешка у Ибрагима получилась достаточно зловещей, и Кристине вдруг стало не по себе. Куда она лезет, в какие дела и какие сферы? Как она могла вообразить, будто готова полюбить вот этого человека? Нет, уж лучше кого-то из пилотов «Буревестника» или офицеров с крейсера «Изумруд»!

Ничего, ничего, пусть продолжает. Информация лишней не бывает. Да и потом, раз Чекменёв, Ляхов, Тарханов считают, что с ним можно и даже нужно иметь дело, всё не так просто, как кажется с первого взгляда.

– Так вот, «Чёрному интернационалу» в моём лице не имелось никаких оснований возражать. Временный партнёр сам лез в историческую ловушку. Они хотят дестабилизировать и обессилить Россию? Ради бога. Не хотят думать, что будет с ними со всеми, когда Россия не сможет или не захочет их защищать – не надо. Он их просвещать не собирался. Ему какая

разница – сначала вместе с Англией и её сателлитами устроить серьёзные беспорядки в России или наоборот? Всё равно ведь цель – уничтожение ТАОС и всего нынешнего мироустройства – оставалась прежней и не подлежащей пересмотру. «Карфаген должен быть разрушен», и неважно, сколько времени это займёт. Предложения британца в тот момент показались предпочтительнее, поскольку, кроме власти над Кавказом, Польшей и Прибалтикой, «хантеры» пообещали не вмешиваться в дела «Интернационала» в Африке севернее Родезии и в Южных морях, исключая Австралию с Новой Зеландией. Туда интересы Катранджи пока не простирались, отчего он и согласился.

Вдобавок Арчибальд предложил *очень* хорошие деньги. И наличными, и в виде немислимо выгодных контрактов для контролируемых Ибрагимом по всему миру фирм и корпораций.

– Насколько хорошие? – будто между прочим спросила Кристина. Теперь она полностью ощущала себя «печенегом»-разведчиком.

– Миллиарды, – небрежно махнул рукой Катранджи, – но это совсем не важно. В моём положении вагон денег или два – значения не имеет. Ты не в ту сторону думаешь. Мне нужна была только власть, а вот её в отличие от денег слишком много не бывает!

Кристине эта точка зрения показалась спорной. Но перебивать она не стала. Ибрагим – непонятно, с сожалением или облегчением – начал рассказывать, как почти сразу начали бусовать, а то и рушиться *его* планы, то есть к которым он непосредственно приложил руку. Очень быстро русские нанесли ему несколько очень чувствительных ударов там, где он совсем не ожидал. Оказалось, что служба Чекменёва контролирует практически всё в этом мире. Даже то, что контролировать якобы невозможно. Вплоть до его личных разговоров с абсолютно надёжным эмиссаром, с глазу на глаз.

– «Что знают двое – знает и свинья», – к слову вставила Кристина немецкую поговорку.

– Похоже на то, – кивнул Ибрагим. – Короче, мы проиграли везде, где ввязались, при этом позиции русских укрепились, и многократно. Начиная от воцарения Олега. А именно этого Арчибальд хотел не допустить в первую очередь.

– Само собой, – согласилась «валькирия», испытывая гордость за Державу и «контору», к которой принадлежит.

– Ничего хорошего не получилось с придуманным вашим профессором Маштаковым «Гневом Аллаха». Организованная с помощью подобных же устройств интервенция из соседней России в вашу, с использованием не существующих в нашем мире средств, была буквально раздавлена. Назад не вернулся никто, хотя использованных сил хватило бы на почти бескровный захват той же Англии. Вся предоставленная нам Арчибальдом аппаратура межпространственной связи дистанционно сожжена. Уничтожен специально созданный для ведения нейropsychической войны научный институт... Дальше рассказывать?

– Дальше я знаю, – улыбнулась Кристина. – Это уже мои «печенег» и офицеры составившего нам компанию полковника Басманова действовали. Кстати, и подполковник Уваров, и полковники Ляхов и Тарханов именно в этих делах отличились и заняли своё нынешнее положение.

– Это и мне известно. Короче – я оценил ситуацию и решил, пока не поздно, *сменить флаг*. Но и «хантеры» оказались не дураками. Результат – Одесса.

Прозвучало это со странной, на взгляд девушки, интонацией.

– Чем тебе не понравилась Одесса? – спросила Кристина. – В рамках твоего *менталитета* – самое то... Ты с ними договорился, заключил союз и в самый трудный момент решил перебежать на сторону противника. Ликвидировать тебя, да ещё таким образом, чтобы вся вина легла на российские власти, – святое дело. Только вот опять чего-то планировщики не учли. Может быть – нас с Уваровым? Но ты-то, стреляный волк, как не подстраховался? Случай нас вывез, только случай. Опустит тогда в ресторане стрелок автомат на ладонь ниже –

и тебе конец, и Чекменёву. И вашему очередному «великому замыслу»... Но продолжай. С предысторией всё ясно. Что сейчас случилось, где мы были и зачем?

Повздыхав и отхлебнув ещё граммов сто, Ибрагим сказал, что Арчибальд непонятным образом осведомлён и о том, что он заключил с русскими вполне официальный союз, и в чём заключается смысл его здешней миссии.

– Ты понимаешь, Крестя, он говорил так убедительно! О том, что *нынешняя* Россия захвачена инопланетянами, что вместе со «*второй и третьей*» она собирается объединиться в одну Империю с целью уничтожения «свободного мира». Для Земли и одной России очень много, а три? Но я ещё могу «искупить свою вину», и совместными усилиями мы победим...

– Это твой мир – свободный? – тоном следователя МУРа, говорящего с «вором в законе», спросила подпоручик Волынская, пока оставляя в стороне его последние слова. – Голову там кому отрезать, в зиндан посадить, девушку в гарем продать. Свобода?

– Да, именно так, дорогая! – Ибрагим впал в странное, почти психопатическое состояние. Что-то не получалось с его избавлением от чуждого влияния. – Это и есть свобода! Моё желание – высший закон! Никакой русский царь не смеет мне приказывать...

– Да без всякого русского царя я за твои идеи тебя прямо сейчас... Чья свобода окажется главней? – Волынская встала, демонстрируя готовность к рукопашному или любому другому бою.

И снова Катранджи расслабленно откинулся на подушки. Его, очевидно, терзали противоположные эмоции под несколькими сразу внешними воздействиями. Только что начинал говорить в унисон с «защитницей», и тут же его уносило в настолько «не туда», что он и сам пугался.

– Подожди, милая, подожди. – Ибрагиму казалось, что сердце у него колотится уже не в груди, а прямо под горлом. – Я не знаю... Я ответил Арчибальду, что своих планов менять не собираюсь, и он может катиться... далеко. Нет на Земле такого человека, что осмелится приказывать Ибрагим-бею, с кем дружить, а с кем воевать. Он сделал печальное лицо и удалился, на прощание сказав, что не хотел бы, чтобы я пожалел о сказанном.

Он вдруг побагровел и схватился рукой за левую сторону груди.

– Что-то со мной... Я сейчас умру, наверное. Позови, позови кого-нибудь... – он начал хватать ладонями воздух. И задышал почти по Чейн-Стоксу.

Кристина не испугалась того, что человек, которого она всего полчаса назад «полюбила», от обычного инфаркта или кардиоспазма сейчас, у неё на глазах уйдёт из жизни. Всего и дела – снять со своего запястья браслет гомеостата и надеть ему. Посмотрела на экранчик: ничего страшного. Господин Катранджи ужасно труслив. Без всякого гомеостата хватило бы ему таблетки бензедрина. И ещё два раза по щекам.

Если только у него не включилась программа самоуничтожения, настроенная на определённые *ключевые* слова.

Но гомеостат должен помочь и в этом случае.

Хоть программа, хоть банальный стресс, а действуют они всё равно на нервные и биохимические структуры. Спасительный прибор, работая быстрее и эффективнее, чем бригада реаниматоров, блокировал источники нарушающих «постоянство внутренней среды организма» импульсов, выравнивал давление, привёл в норму концентрацию эндорфинов. Отдышись, утри сопли и хоть на штурмполосу.

Так она ему и сказала. Тут же спросив о следующем:

– В итоге ты испугался. Сообразил, что Арчибальд и компания, не убив тебя в первый раз (или просто припугнув), рано или поздно ликвидируют более надёжно, снова стал работать на него?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.